

С. 2 Чтобы на пустыре вместо дикой поросли выросли деревья

«Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы», – писал Владимир Солоухин. Есть ли у нас надежда и что зависит от нас?

С. 5 Православная церковь и молитвы о христианском единстве

Как обычно, в январском номере года мы обращаемся к теме христианского единства. В этот раз «Кифа» публикует фрагмент из ещё не опубликованной статьи протопресвитера Виталия Борового

С. 7 Затишье перед бурей

Январь 1917 года был сравнительно спокойным месяцем. Может быть, одним из главных событий была произошедшая в самых последних числах декабря и в начале января замена министерства министров. Сегодня мы расскажем о том, каким было правительство России в первые два месяца 1917-го

Приложение «Живое предание»

В новом году у нас появятся и новые приложения. Сегодня в одном из них мы публикуем воспоминания о тех, кто был опорой церкви в годы хрущёвских гонений и брежневского застоя: об архиепископе Михаиле (Мудьюгине) и о простой мирянке, 80-летнем регенте Лидии Малаяр

Тема номера Надежда

За что мы благодарим Бога

Слово духовного попечителя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова после новогоднего молебна

На новогоднем молебне в часовне Свято-Филаретовского института

Дорогие братья и сёстры! Как всегда, мы с вами собираемся в этот вечер, чтобы вместе помолиться и подумать о том, что же нам делать дальше, как жить. И первое, что приходит в голову: надо благодарить за то, что Бог дал в течение всего прошедшего года. Потому что если у нас не будет благодарности, останется только уныние. К сожалению, мы очень часто встречаемся с таким унынием – именно потому, что у людей оскудевает благодарность. Они как бы не видят Божьего действия в сегодняшней, нынешней жизни. И если спросить многих людей: «Так что же произошло за прошедший год?», они прежде всего почему-то начинают думать о плохом. Ну что ж, плохое всегда есть; что здесь нового, оригинального? Но за плохое не благодарят. Плохое напрягает, потому что нужно что-то делать, чтобы этого зла и греха было как можно меньше. Но в первую очередь мы с вами призваны приносить Богу благодарение от всего сердца, тем более, что ведь есть за что. Многие говорят: «Прошедший год был ужасным». Почему-то особенно прошедший год. А что, сто лет назад лучше было? Или в позапрошлом году? Мне кажется, это какой-то духовный

сбой, который обязательно нужно преодолевать – так же, как преодолевать и нашу индивидуализированность, раздробленность, неумение жить вместе, понимать друг друга. Но как это сделать? Только силой Божьей. Обычными человеческими усилиями здесь много не сделаешь, далеко не уйдёшь, только до перекрёстка. Время, история даны нам Господом не просто так. Мы с вами не язычники, чтобы думать, что всё время повторяется одно и то же, одно и то же, одно и то же. Мы не можем так ощущать нашу жизнь, потому что это в действительности не так. Нужно быть совсем слепым человеком, чтобы видеть только утраты. Да, были утраты в прошедшем году: и друзья, и старые сотрудники, и наши братья и сёстры уходили от нас к Господу. И это горько, хотя мы и верим, что Господь не даст им вечного тления. Но даже такие печальные события, как проводы нашего многолетнего друга Никиты Алексеевича Струве, отца Игнатия Пекштадта, донна Патрика де Лобье и многих, уж очень многих за один год, не могли быть только трагедией. Всякая христианская кончина – это всегда какой-то прорыв в запредельное, новое излияние благодати Святого Духа.

Окончание на с. 6

Год минувший и год наступающий

Интервью с протоиереем Геннадием Фастом

Отец Геннадий, за что из случившегося в прошедшем году Вы хотели бы поблагодарить Бога?

Протоиерей Геннадий Фаст, настоятель храма Св. Константина и Елены в Абакане, член епархиального совета Абаканской епархии: Во-первых, за сам этот прошедший год, потому что весь год – это ещё одна страничка книги жизни, ещё одна милость Божья, дарованная нам. За паломничество, поездку на Святую Землю, где Господь как-то совершенно по-особому дал пережить очень многие евангельские, библейские события, стать их соучастником. За радость служения, за сорокоуст, за те сорок литургий подряд, которые Господь дал послужить. Куда-то в пустыню уединиться возможности нет, а здесь ты служишь – прямо среди города, семьи, родных, близких, дальних – среди всех. Это такой евхаристический затвор. Я это уже неоднократно делал, и вот в этом году после долгого перерыва опять удалось. Удивительная Пасха – от Лазаревой субботы и практически до

Вознесения. Это было особое посещение Божье.

А миссионерское Ваше дело продолжается?

Продолжается, но ведь в этом вся жизнь, это как-то даже не замечается... Но миссионерское служение в прямом смысле – это труд среди иного народа. А тут скорее продолжается внутренняя миссия среди тех людей, с которыми живёшь. Этого, конечно, было много – и лекции, и занятия, и пастырский приём, частный и общественный... Но особую радость Господь даёт именно во время благовестия, когда являешь Своё Присутствие. До слова бываешь иногда каким-то вялым, может быть, уставшим, и именно во время слова Господь посещает, касается твоего духа – и после этого взбадриваешься. Это не специфика этого года, так всю жизнь и происходило. Даже если тебя придавливает куда-то в прямом смысле слова к земле дремота или ещё что-то, а тут просыпаешься и весь полон жизни. А так новых, каких-то особых «проектов», как сейчас принято говорить, не было. Всё шло так, как оно здесь в Абакане, в Хакасии, сложилось.

У вас есть огласительные курсы?

Есть огласительные курсы, подготовка к крещению, библейские занятия с прихожанами; ещё я веду занятия в двух университетах, есть православный лекторий и, конечно же, проповедь с амвона. Есть еженедельная телепередача «Слушаем пастыря» и радиоэфир «Живой разговор».

Как у Вас сил хватает?

Вот как раз Господь и даёт. Это то, что есть сегодня. Но оно уже несколько лет так сложилось.

Окончание на с. 8

«Покаянно припадём ко Господу и найдём в себе силы сказать: гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним»

Из письма священномученика Сергия Мечёва из ссылки членам общины

Чувствую, что давно уже ждётся от меня слов утешения, но уста мои сомкнулись, и во мне самом «уны дух и смутилось сердце». Небо наше земное заключилось для нас. Как же не плакать, как не сетовать, как не скорбеть? Препояшьтеесь вретischem и плачье, священники! рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во вретисах, служители Бога моего! ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния (Иоил 1:13).

Созданная по образу Божию человеческая природа в радости и особенно в страданиях стремится быть вместе с подобными себе. Не добро быти человеку одному: сотворим ему помощника по нему (Быт. 2:18), – сказано Творцом ещё в начале человеческой истории. Сам Господь наш Иисус Христос в скорби Своей смертельной, молясь в саду Гефсиманском до пота кровавого Отцу Своему и укрепляемый ангелом, по человечеству ищет подкрепления у близких, любимых, с которыми совершал путь Своего земного служения: Прискорбна есть душа Моя до смерти; пождите зде и бдите со Мною (Мф. 26:38).

Грешный и малодушный, подкрепляемый постоянно вашими молитвами, вашим горением, вашим служением в храме, ныне одинокий и оторванный, особенно чувствую своё ничтожество и тесноту. К тоске по храму прибавилась бесконечная тоска по вас и сознание своей великой вины перед каждым. Страдания ваши и лишения стояли неотступно

перед глазами моими. Я не находил ни в чём успокоения себе. Подобно Езекии, как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня (Ис. 38:14).

Знаю, что молитесь за меня вы, и молитвы ваши, в такой скорби возносимые, дошли до Господа, и явил Он мне грешному Свою милость...

По молитвам вашим исполнились на мне слова Псалмопевца: при умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои улаждают душу мою (Пс. 93:19). Теперь с Его помощью могу и для вас написать слова утешения и этим хоть немного умерить ваши страдания.

Суд Божий совершается над Церковью Русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведёт к очищению. Совершающееся – неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь ещё стараются свести всё к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу давно всё было открыто.

Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нём.

Окончание на с. 4

Отец Сергий Мечёв (17 сентября 1892 г. – 6 января 1942 г.)

Протоиерей Геннадий Фаст совершает таинство Крещения в реке Абакан. 2012 г.

Чтобы на пустыре вместо дикой поросли выросли деревья

Интервью с участниками историко-практической конференции «1917–2017: уроки столетия», прошедшей в Гатчине

Интервью с Виктором Васильевым, церковным историком (Гатчинская епархия)

Мне очень понравилась Ваша мысль о том, что примирение – это хорошо, но без покаяния, без изменения сознания оно невозможно. А что надо сделать, чтобы это покаяние всё-таки произошло?

Когда думаешь о новомучениках, то спрашиваешь себя: «Хорошо, они были Церковью мучеников и исповедников. А что в Церкви изменилось за это время? Изменилось что-нибудь или нет?» Церковь сегодня находится во внешне благополучном положении (кстати, это в основном в столице или больших городах; а в глубинке есть такие приходы, где до сих пор священники землю пахут и в кружке десять рублей). Вопрос в том, близки ли мы по духу к тем, кто жил сравнительно не так давно и положил душу свою за Церковь? Так ли дорога нам Церковь, как была дорога им? Настоящему ли мы веруем? Есть ли в нас та трезвость мысли и чувств, сострадание, милосердие и любовь к ближнему, какая была у них? Очень много сейчас всякого псевдодуховного «новодела», который стремится показаться ревностью по Боге... Это когда буква есть, а любви нет.

А у меня есть знакомые в глубинке, которых три года не причащают.

Из-за самодурства? Ну, это известное дело. Многократно разоблаченное «младостарчество». И не только молодые священники в него впадают. Мне говорили знакомые отцы: «Вот, наши прихожанки понаездили по разным «старцам», потом эти старцы умерли, но их благословения никто снять не может. Ведь только тот, кто наложил епитимью, и должен её снимать. Старушкам теперь эти суровые епитимьи не под силу. А сделать ничего нельзя». Рассказывали мне и такой анекдотичный случай: нашёл один инженер «старца» по совету знакомых. Приехал в какой-то дремучий угол, вышел к нему зеленобородый старец, посмотрел на него строго и говорит: «Ты когда умываешься, в раковину плюешь?» Он говорит: «Бывает». «А ты видел, что там крест?.. А по нужде ходишь куда?» – «Ну, как куда? У меня дома туалет». – «А воду где берёшь?» – «А воду я беру из крана».

Ну и благословил его «старец» раковину убрать, унитаз тоже. А воду брать в парке, где ручей течёт с завода. Послушание, как известно, выше поста и молитвы. Инженер всю сантехнику убрал, начал бегать под какую-то ёлочку. Побегал так месяц, потом холодно стало, начало подмораживать. И тогда закралась ему в голову крамольная мысль: а вдруг это не старец?

И тогда начал он в ближайшую церковь ходить, раковину и прочую сантехнику вернул на место и больше по старцам не ездил. Приходским батюшкой довольствовался.

А с покаянием всё-таки что делать?

Солоухин сказал: «Никто и никогда

не вернёт народу его уничтоженно-го генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян».

И вот на этом пустыре долго ещё будет расти дикая поросль. Я не исключение. А для того, чтобы выросли деревья вместо кустарников, что-то должно произойти в душе каждого человека. Для этого надо читать жития тех, кто сравнительно недавно был убит боготборцами, нужно понять, что Церковь стоит на крови мучеников...

Однако сейчас для многих самое главное – комфортность церкви: пришёл, заплатил – получил, заплатил – получил. И вроде от души отлегло. А главное, чтобы здоровье было... Это требовалось для нас важно происходить без внутреннего чувства, что ты сам в чём-то участвуешь, сам что-то должен отдавать.

И всё-таки жертвенность существует. Она сейчас возрождается. И в этом отношении для нас важен опыт братств 1920-х годов. Я знаю и братства, и сестричества, которые многое делают, в том числе в хосписах бесплатно работают, монастыри восстанавливают, и всё не во имя своё, а во имя Божье. В этом, мне кажется, единственная надежда – в том, что люди будут объединяться в Церкви не формально, а внутренним движением духа. Не так, что пришёл на службу, отстоял, свечку поставил – и всё, этот эпизод окончен, я пошёл дальше.

«Два часа воцерковленности»...

Да, вопрос именно в этом. Есть и другая проблема. После 1927 года, когда церковь пошла не на уступки, а практически на подчинение власти, возникла та спайка, из-за которой она по инерции стала теперь, по чьему-то меткому выражению, государственной церковью в безбожном государстве. И это не лучшее положение.

Да, есть определённые моменты, которые противодействуют ему: например, в социальной концепции Русской православной церкви говорится, что в случае, если государство нарушает Закон Божий, гражданин может отказать ему в повиновении. Именно здесь церковь должна найти какое-то равновесное положение, но оно нарабатывается годами.

Те святые люди, о которых сегодня рассказывали и на которых держалась Церковь, были какими-то другими. Они искали прежде всего Царствия Божия... Такие тихие пастыри. Стремимся ли мы хотя бы быть похожими на них?

Чтобы церковь пошла куда-то дальше, надо осознать, что такое Церковь. Хорошо сказал отец Георгий Митрофанов, когда подметил, что для людей с плотским мышлением мало что изменилось. Была в героях Зоя Космодемьянская, а теперь «героем» стала мать Мария Гатчинская. А то, что они разные по духу, – до этого как бы и дела нет.

Вот и свирепствуют в церковной среде всякие противостественные и кощунственные вещи типа «православного» сталинизма... Тут невольно вспом-

нишь пророка Исайю: «Во что вас бить ещё, продолжающие своё упорство? Вся голова в язвах, и всё сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет <...> здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны»...

Вера призывает нас к любви и требует трезвения, обретения здравого смысла во всём, а особенно в вопросах веры. А где это трезвение? Страсти одни...

Уже накупило выражение: «Вернуться к истокам». К каким именно истокам? Надо понять, что было до патриарха Никона, что было до Петра I. Ведь в синодальном периоде тоже было достаточно того, что, мягко говоря, не вдохновляет.

В наши дни нет открытого боготборчества, но это совсем не значит, что для Церкви нет опасностей. Хотя мы помним и верим, что «врата ада» не одолеют её...

Интервью со священником Виталием Маслаковым, настоятелем храма Блаженной Матроны Московской (деревня Малое Карлино Гатчинской епархии)

Рождественские чтения в этом году посвящены теме «Уроки столетия». Что это значит для Вас?

Размышлять об уроках столетия очень важно, т. к. многие люди были воспитаны в том числе на революционном прошлом, и они считают, что это событие надо только праздновать. Мы должны уметь отвечать на эти вызовы. И наши региональные чтения, которые проводит владыка Митрофан, очень важны для того, чтобы мы могли дать ответ, т. к. сейчас это начинает постепенно будоражить людей.

Христос всегда говорит нам: «О, если бы ты был холоден, или горяч!» Теплохладных людей, как мы читаем в Откровении, не любит Бог. И именно либо горячность, либо холодность, либо ты со

Христом, либо ты против Христа – как раз это и характерно для христианства. Поэтому так важно возрождение, научение. Ведь на приходах очень много язычества, и чтобы этого язычества не было, как раз и нужны наши региональные чтения. Нужно, чтобы в них как можно больше людей участвовало, потому что через общение, через это созидание где-то что-то народ почерпнёт.

Один из путей к тому, чтобы люди больше знали о вере, о Боге, – это создание братств, которые как раз и дают общение, возможность что-то спросить у брата или сестры. Иногда к священнику тяжело подойти, проще спросить у свечницы, у кого-то, кто есть в храме. У каждого из нас есть своё понимание православия через тот опыт, который дан всякому из нас. И зачастую в общении он как раз и даёт возможность передать то, что другому человеку необходимо. Конечно, хороша практика катехизации, оглашения. У себя на приходе в сельской местности я знаю прихожан, тех даже, кого я окрестил. Мы стараемся, чтобы они пришли на причастие. Я знаю, где они живут, номер телефона их есть. Можно позвонить и всегда увидеть их на причастии. И всегда побеседовать. Так что тема просвещения очень актуальна.

Как Вам кажется, возможно ли вообще покаяние за эти 70 лет? Или эта возможность упущена?

Не упущена. Всегда, пока рождаются люди, пока есть дети, всегда есть надежда. Пока существует мир, пока есть Церковь, пока не состоялось Второе пришествие Христово, всегда есть надежда на покаяние. Если мы захотим измениться, как жители Ниневии, если мы захотим покаяться, если воспримет Дух, то это покаяние возможно, и молодёжь пойдёт в церковь, и церковь будет дальше развиваться.

Беседовала Анастасия Наконечная

Священник Виталий Маслаков и Анастасия Наконечная

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издаётся с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в **Москве:** в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);

в **Санкт-Петербурге:** в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в **Париже:** в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve

Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)

США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 23 января 2017 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 25 января 2017 г.

gazetakifa.ru

Общение и милосердие

Интервью с протоиереем Алексием Борискиным

Отец Алексей, мы знаем, что человек нуждался в помощи всегда. В разные исторические эпохи человечество сталкивалось с различными вызовами – холера, чума, СПИД, войны, непросвещённость, зависимости. Как Вы считаете, в какой помощи человек больше всего нуждается сегодня?

Сейчас мы уже на таком уровне, что с какими-то болезнями и социальными бедствиями научились справляться. На мой взгляд, основные проблемы, которые нужно сейчас решать, – внутренние и духовные. Именно в наших внутренних, духовных проблемах коренятся и внешние проблемы – материальные, социальные, психологические. Я не говорю о конкретном времени, это общий подход.

Конечно, если в данный момент человек нуждается в материальной помощи, в первую очередь мы должны дать именно её, а потом уже – помощь духовную.

Как можно помочь нуждающимся людям в раскрытии их человечности, их личности?

Человек, приходящий за материальной помощью, всегда находится в зависимости от того, кто даёт такую помощь, и навязывать ему свою веру – неправильно. Я общался с другими священнослужителями, имеющими, как и я, профессию врача. Они рассказывают, что по молодости часто стремились добиться, чтобы их пациенты перед операцией причащались, соблюдали пост. А те из страха, что врач невнимательно проведёт операцию или станет хуже относиться к пациенту, не исполнившему его рекомендации, слушали врача-священника и, чтобы не обидеть его религиозных чувств, исполняли обряды. Но это было внешнее исполнение. А всё, что внешнее, что не идёт изнутри, – это профанация, не имеющая ничего общего с верой. Это не помогает, а даже мешает, вредит. Если человек пришёл за помощью, нужно оказать ту помощь, которую он от тебя просит. Если у него есть желание пообщаться на духовные темы, тогда уже можно что-то предложить: беседы, встречи, общение, чтобы что-то объяснить, рассказать. Но ни в коем случае нельзя начинать лечение с этого!

Часто бывает так, что люди получают помощь и у них возникает эмпатия к тем, кто помощь оказывает, им хочется узнать, почему люди этим занимаются. Наши сестры ходят по больницам, по палатам, общаются с людьми. Возникает взаимопонимание, люди начинают интересоваться тем, что это не просто работники, а добровольные помощники, волонтеры. У нас есть несколько сестёр, бывших пациенток, которые вдохновились таким общением и после выздоровления начали участвовать в милосердном служении.

Как сделать так, чтобы наша помощь не развращала и не унижала человека?

Мы иногда можем подарить подарками, помощью и привести этим к тому, что человек полностью расслабится. Есть известная мудрость о том, что правильнее давать человеку не рыбу, а удочку. Дети могут ждать, что им принесут конфетку, игрушку; они хотят получить что-то материальное. Может быть, для детей это ещё нестрашно, но со взрослым человеком существует более явная опасность.

Может ли помощь, которую оказывают социальные или церковные организации, препятствовать тому, чтобы необходимую помощь нуждающимся оказывали близкие и ближние?

Действительно, сейчас существует развитая система государственного социального служения, и возможность вызвать соцработника, отправить своего родственника в дом престарелых или в детский дом и снять с себя ответственность – это большое искушение для людей. Конечно, когда мы знаем, что есть какая-то организация, помогающая отказаться от личного действия, это помогает жить в современном мире при всех его скоростях, но очень обедняет нас духовно. Иногда без этого невозможно; есть обязанности, дела, которые на первом месте, и ты должен их исполнить. Но нужно быть готовым в любой момент понять, что сейчас у тебя есть время помочь, потрудиться. Нужно стараться не избегать этой возможности. Как показывает опыт святых отцов и церковной жизни, дела милосердия обнажают страсти человека, открывают, как мы относимся к ближнему. Недаром в Священном писании говорится о Страшном суде, где каждому будет задан вопрос: накормил ли ты голодного, посетил ли находящегося в больнице или тюрьме? Поэтому лучше не уповать только на эти организации и самому участвовать в помощи по мере сил.

Как Вы считаете, чем является в современных условиях дар милосердия и плод милосердной любви?

В каждом человеке есть замысел Божий, никто случайно не появился на свет, и наши качества случайно в нас не развились. В нашей жизни проявляет себя и наша свобода, и Божий дар, Божий промысел о каждом человеке. Слово «грех» означает «промах». Когда человек совершает что-то не так, как о нём задумал Бог, он направляет своё служение, свои силы, таланты «мимо цели», и дар свыше тогда не превращается в плод. Это и является грехом. Если же нам удалось установить взаимодействие с Богом, осознать замысел Божий о своём служении, то это может принести плод. И это принесёт радость нам самим, душевный мир и покой, чувство исполненного жизненного предназначения и радость окружающим людям, которые будут этими плодами пользоваться и тоже получать от Бога и свои дары, и вразумление.

Доктор Гааз говорил: «Сначала я христианин, потом уже врач». А что Вам помогает обрести силы, раскрывать свой дар?

Я не знаю, начал ли уже раскрывать свой дар, я все ещё пытаюсь понять, в чём он состоит. Я очень люблю свою работу, профессию – оториноларингологию, вижу именно в ней проявление своих талантов и даров. Ко-

чаще бывает на встречах, кто-то – режиссёр. У каждого брата или сестры есть своё направление деятельности, и мы просим, чтобы он находил для этого как минимум два часа в неделю (обычно, конечно, получается больше). В час дня мы совершаем молитву о нашем братстве, сестричестве и о наших подопечных (каждый молится там, где в это время находится). Каждый ходит в свой храм, причащается, исповедуется по мере сил. Если появляется новый братчик, он может походить по разным местам нашего служения. На каждом месте есть координаторы, старшие братья и сестры, они могут все показать и объяснить, и если человеку понравится, он может остаться. После этого координатор рекомендует его на обучение: пять месяцев на базе медицинского колледжа по специальности «младший медицинский персонал по уходу за больными». Три раза в неделю по вечерам там проходят занятия – параллельно изучаются основы медицинского ухода и предмет «Основы православного мировоззрения», где мы читаем Евангелие, разбираем службу, говорим о личной и общей молитве, рассматриваем основы православного вероучения, потому что у нас много людей крещёных, но не просвещённых, как говорил известный писатель. Общение, просвещение, развитие духовное продолжается и в последующее время. Мы пытаемся организо-

Протоиерей Алексей Борискин и сёстры из сестричества во имя св. кн. Анны Новгородской беседуют с Ириной Гавриллиной, членом тверского Боголюбского братства

нечно, я очень люблю и своё церковное служение. Священнослужение – особый дар, который ни с чем другим не сравнить. Ощущение этого дара присутствует постоянно, я им очень дорожу. В центре стоит служение священника, вера, христианство, т. к. все свои поступки ты анализируешь с духовной точки зрения. И в медицине тоже – всегда стараешься с молитвой совершать все действия, назначать лечение. Иногда рассеиваешься, забываешь, но потом с покаянием возвращаешься к этому. На первом месте стоит вера, потом – работа, но работа тоже пронизана верой. Думаю, что одно без другого уже невозможно.

Каким образом Вы пришли к тому, чтобы собирать сестричество, братство православных врачей, т. е. такое дружество, объединение людей? Что лежит в его основании?

У нас пока идёт поиск. Главное, на мой взгляд, – это общая молитва, общая служба – евхаристия. Я представляю, как это должно быть, но сил не хватает, времени не хватает воплотить это в жизнь. Поэтому сейчас я не очень удовлетворён тем, что у нас есть. У нас есть храм, проходят службы, хотя и не очень регулярно. Сёстры и братья ходят в свои приходские храмы, есть больничные храмы, где они тоже бывают. Такого, чтобы община была при храме, у неё был бы священник, было общение – богослужбное и внебогослужбное, пока организовать не удалось.

Каким должен быть человек, чтобы попасть к вам в сестричество?

Мы принимаем всех желающих попасть к нам. Сейчас нас больше 50 человек. Общая встреча после общего участия в литургии бывает у нас раз в месяц; кто-то

вать малые группы, чтобы братчики сами между собой общались. Но пока что это не очень получается: если батюшка есть – народ собирается, а когда батюшки нет, находятся дела более важные.

Как должно жить церковное собрание, чтобы не было выгорания, чтобы люди не уходили и была нацеленность на служение в сестричестве, братстве милосердия?

Я считаю, что в основе должна лежать общая литургия, духовная общность собрания. Изначально мы приглашали людей воцерковленных. Но когда люди собрались, оказалось, что не все воцерковлены. Кто-то ещё не понимает, что происходит на службе, но потребность в любви, милосердии почувствовал. Мы пытаемся вместе разбираться, что значит воцерковленность, зачем мы ходим в церковь. Некоторые уже через служение милосердия воцерковились и поняли, что в центре жизни верующего человека лежит евхаристия, причастие, общение с Богом.

Иногда мы сами можем оттолкнуть кого-то, у нас есть личные нестроения. Но если мы объединены вокруг веры, вокруг причастия, то есть возможность покаяния, примирения, соединения в литургии, возможность обновить это единое общение через литургию. Поэтому очень важно, чтобы была общая молитва, общинная жизнь. Нужно к этому стремиться и вокруг этого всё строить.

Беседовала Ирина Гаврилина
Фотограф Ирина Лебедева

Протоиерей Алексей Борискин – клирик церкви свв. блгвв. кнн. Бориса и Глеба в Новгороде, председатель Новгородского общества (братства) православных врачей (создано в 2007 г.), руководитель сестричества во имя св. кн. Анны Новгородской (создано в 2011 г.).

«Покаянно припадём ко Господу и найдём в себе силы сказать: гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним»

Из письма священномученика Сергия Мечёва из ссылки членам общины

Начало на с. 1

Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие оставляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства неприметным образом, что наступил уже самый ужасный глад – глад слова Божия, что имеющие ключи разума и сами не входят, и возбраняют вход другим, что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а затем и христианство – при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь, по которому прошли отцы древности и который запечатлён ими в их писаниях. Тайны сокровенной жизни нет, и научиться ей негде, ибо оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих (Пс. 11:2). Извне уже началось гонение на Церковь, и нынешнее время напоминает первые века христианства.

Святитель Филарет Московский неоднократно в беседах с близкими ему по духу указывал, что давно уже в России наступило время, подобное гонению первых веков, и плакал о детях, которым, по его словам, придётся испытать худшее. Предвидение нашего времени особенно ярко сказалось у двух святителей, особенно много потрудившихся в изъяснении Слова Божия, – Тихона Задонского и епископа Игнатия (Брянчанинова).

«Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство», – определяет святитель Тихон современное ему состояние Церкви и предсказывает удаление христианства неприметным образом от равнодушных к нему людей: «Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий».

Столетием позже святитель Игнатий (Брянчанинов), говоря о монашестве и о Церкви, так определяет их положение: «Живём в трудное время! "Оскуде преподобный от земли, умалишася правды от сынов человеческих!" (ср.: Пс. 11:2). Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается; от силы благочестия отрезались, отверглись люди! Надо плакать и молчать» (Письма. С. 153).

Видя в монашестве барометр духовной жизни всей Церкви, он так свидетельствует о его состоянии: «Дело православной веры можно признать приближающимся к решительной развязке. Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию – остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предначертанному Писанием» (Письма. С. 445).

«С сердечным сожалением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства» (Письма. С. 451).

«Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Сущие во Иудее да бежат в горы» (Письма. С. 318).

Многие из подвижников XVIII и XIX веков смотрели на время своей жизни как на предбедственное для Церкви Христовой. Но не будем забывать, что говорили всё это во времена полного внешнего благополучия. Не только существовали, но и благоустраивались монастыри, основывались даже новые обители, строились новые храмы, расширялись и украшались прежние, открывались мощи святых угодников. Народ русский прославлялся как хранитель чистоты Православия и истинного благочестия. Никому и

в голову не приходило, что Церковь тяжело страдает и развязка не за горами. Иначе видели познавшие Царство Божие, имевшие его в сердце своём. С сокрушением сердечным смотрели они на окружающую их среду и, не находя в ней жизни Христовой, предрекали грядущую катастрофу.

«Одна особенная милость Божия может остановить её на некоторое время», – говорил епископ Игнатий (Брянчанинов). И милость Божия остановила. Перед угасанием светильник вспыхнул ярче. Так произошло и с Русской Церковью. В последний век истинный свет Христова делания возжёгся в некоторых обителях иноческих и из них, как раньше во времена Антония и Феодосия Печерских и преподобного Сергия Радонежского, перекинулся в мир. Снова обратились к забытому уж давно пути опытного богопознания, которым шли великие и величайшие. Некоторые обители с Оптиной

очистительные крестные муки. Вот она, оплётанная, заушенная, поруганная, водится на Голгофу и, обнажённая, пригвозждается ко Кресту. Для верных чад её открывается путь исповедничества, мученичества, а главное – путь величайших скорбей и величайших лишений.

Спросили однажды скитские отцы авву Исхириона: «Что сделали мы?» И он ответил: «Мы соблюдали заповеди Божии...» Отцы спросили: «Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?» Он ответил: «Они будут иметь делание вполноту против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после них?» «Эти, – ответил авва, – отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших».

Особые скорби, небывалые напасти – удел наших дней. В покаянном преодолении их – смысл нашей жизни. Отъятие

Отец Сергий с общиной во дворе храма святителя Николая в Клённыхках

Пустынью во главе не только собирают, переводят, изучают, издадут святоотеческие творения, но на их опыте строят почти наново монашеское делание. Епископ Игнатий (Брянчанинов) и Феодан Затворник не только «деяньми» читают древних подвижников¹, но и сами вносят вклад в духовную отеческую литературу опытно познанным ими изложением основ христианского делания.

Непознаваемые, осмеиваемые, обвиняемые за якобы новшества идут иноки на борьбу за святоотеческий опыт против обмирщения христианства. Монашество снова получает дух, огонь возжигается там, где недавно тлела искра. Заброшенные творения отцов делаются настольными книгами. Учителя жизни становятся иноки древних египетских, фиваидских, палестинских, сирийских пустынь. Пламя деятельного христианства новой твари перебрасывается от иноков в мир. Многие тянутся к обновлённым обителям с введённым в них старчеством и через них приобщаются к опытному подвижническому пути. Пастыри и иереи приходят к инокам, и от них получают святоотеческий огонек, приносят его в свои храмы. Изменяется характер церковной проповеди. Творения отцов звучат с церковной кафедры как жизнь, а не как назидательное прошлое, мир приближается к монастырю, разрушается между ними средостение. В храме в основу кладётся уставное богослужение с широким участием в нём способных к этому верующих. Покаяние делается основой жизни. Возникают покаяльные семьи с непрерывным освящением в таинствах. В корне изменяется строй приходского прежнего бытового христианства с редким хождением в храм и лишь ежегодным причащением.

Со времени преподобного Сергия не было ещё такого животворящего сдвига. Казалось, делание духовное, начавшись так дружно, расширится по всей земле нашей. Но иными путями повёл Невесту Свою Жених Церковный. Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает

видимой стороны христианства – главнейшее из всех лишений. Изгнание, заточение, горькие работы – ничто по сравнению с ним. Это отъятие храмов, по слову Божию, можно было бы предотвратить покаянием: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалится ли Он, и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему? (Иоил. 2:12–14).

Но где мы слышали всеобщий призыв к покаянию, где видели архипастырей и пастырей, неотступно у жертвенников проливающих реки слёз и подвизающих к тому же народ свой? Дипломатические таланты архиереев поставили выше слова Божия, на них возложили надежду, в них положили своё спасение. Ложно хотели сохранить царство Истины...

И посмеялся Господь над ними и до конца изливает гнев свой. Не пред нашими ли глазами отнимается пища, от дома Бога нашего – веселье и радость? (Иоил. 1:16). Истомят, истомят до основания видимую сторону Церкви.

Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадём ко Господу и найдём в себе силы сказать с пророком: гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет меня на свет, и я увижу правду Его (Мих. 7:9).

К принятию нового образа спасения призывает нас Господь. Множество храмов рукотворенных, благолепно украшенных, было открыто столетиями, и в то же время величайшее множество храмов нерукотворенных в мерзости запустения пребывали заключёнными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими. Огонь смиренного мученичества вспыхивают

повсеместно, особенно на далёких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священнического напутствия умирают иереи, иноки и верные.

В покаяльных храмах отходящих душ их возносится ими молитва за грехи всей Церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа, – Церкви, не нашедшей в себе даже в годину исключительных бедствий целительных слёз покаяния. Искорки терпеливого исповедничества мерцают всюду от ледяного океана до раскалённой пустыни. В покаянном плаче молятся открывшие терпением обстояний свои сердечные храмы, изгнанные за служение в храмах Божиих!

Войдём, родные, и мы в клеть душ наших, войдём в храм наш душевный, посвящённый Господу ещё в момент крещения и освящённый Им в момент первого причащения. Храм этот наш; никто, никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нём мы – каждый – иерей и кающийся. Жертвенник его – сердце наше, и на нём мы можем приносить всегда на слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем всё как заслуженное. Разве не Господь посылает это? Разве лучше из нас не вступили давно на этот путь?

Надолго или совсем – одному Господу известно – уходит от нас видимая сторона христианства. «Станем добре, станем со страхом» Божим! Маленький родной дом Божий! Сколько радости чистой, неземной получали мы через тебя. Иерусалиме наш земной, возводящий нас непрерывно к горнему Сиону! Много раз навернулись на глаза наши слёзы при воспоминании о нашем земном рае². Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего (Пс. 136:5–6).

Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошёл в своё время каждый из вас, в нём почувствовал правду святоотеческого пути.

В наступившую было весну Церкви Русской вы явились делателями в её винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устройство храмов жизни покаяльной семьи нашей. Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по воле Божией светильника Церкви Русской.

В грядущем страшном испытании Церкви Христовой молю Господа, Его Пречистую Матерь и святых угодников наших, чтобы они явили вас истинными делателями виноградника Христова.

Родные мои, явим себя во всём как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах (2 Кор. 6:4–5). Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой.

1933 г.

Источник: Вы – мой путь ко Христу. М., 2009. С. 276–286.

¹ «Эти книги (т.е. книги святых аскетов) дела требуют», «дела святых деяньми читай» – так говорили об отеческих аскетических творениях оптинский настоятель архимандрит Моисей и оптинский старец Леонид.

² Храм Свт. Николая в Клённыхках был закрыт на Благовещение 1931 года. Отец Сергий к тому моменту уже полтора года находился в ссылке.

Как обычно, в первом номере года мы обращаемся к теме христианского единства. Ведь именно в конце января в Северном полушарии проводится Неделя молитв о нём (в Южном она совершается на Пятидесятницу). Об истории этой молитвы мы уже писали. В этот раз «Кифа» публикует фрагмент из ещё не опубликованной статьи протопресви-

тера Виталия Борового. В нём рассказывается об ещё не известных нашему читателю подробностях истории обсуждения необходимости молитвы о единстве христиан. Предваряет статью комментарий проф. Д.М. Гзгзяна, кратко пересказывающего тезисы всей статьи, которая, как мы надеемся, в ближайшее время увидит свет.

Православная церковь и молитвы о христианском единстве

Из статьи протопресвитера Виталия Борового

Перед нами работа протопресвитера Виталия Борового, видно-го церковного историка, одного из немногих по-настоящему компетентных православных богословов, сформировавшихся и существовавших в тяжёлых советских условиях, человека редкой преданности вере и церкви. В ней рассмотрена практика молитв о христианском единстве. Здесь читатель откроет для себя не мифологизированную, а научно-богословски отработанную историю таких молитв и, что особенно важно, их мотивацию и направленность.

Отец Виталий подчёркивает глубокую церковную традиционность молитвенного попечения о единстве, явственно выраженную в Гефсиманской молитве Христа и в известной всякому православному литургической формуле великой ектеньи «О благостоянии святых Божиих церквей и в соединении всех». Далее, говоря о возникновении практики специальных объединительных молитв уже в условиях разделения, о. Виталий напоминает, что ведущим мотивом этого было восстановление единства христианского мира.

Важно отметить, что аналогичное попечение не было чуждым и для нашей поместной церкви, о чём о. Виталий приводит одно очень красноречивое свидетельство – письмо свт. Тихона Роберту Гардинеру, а также напоминает, возможно, не широко известное постановление Поместного собора 1917–1918 гг. о даровании своего, т. е. соборного благословения всем, «кто ищет пути к единству с дружественными инославными церквями».

Отметим, что «идея и практика молитв о христианском единстве Православными церквями была воспринята как одна из форм свидетельства о вере, таинствах и богослужении Древней Церкви». Таким образом, за счёт участия православных молитв о единстве приняли важную направленность, т. к. они, может быть, несколько неожиданно, стали средством опытного выявления единого истока христианства. Православное свидетельство приобрело апостольскую окраску.

Кроме этого, о. Виталий напоминает о сугубо православной современной практике молитв о единстве с приглашением к участию инославных христиан. В работе приводится её чин. Отец Виталий специально отмечает, что православные никогда не допускали участия в так называемых «смешанных» молитвах, но «всё происходило согласно с духом сложившейся литургической практики нашей Церкви».

Будучи последовательным, о. Виталий считал своим долгом подробно остановиться на канонической стороне вопроса. Со свойственной ему скрупулёзностью он отобрал правила и постановления, посвящённые молитвам с еретиками, чтобы затем сосредоточиться на церковно-правовом смысле и, главное, на болезненной теме практического их применения.

Известно, что главную трудность составляет легко отмечаемое в церковной истории расхождение между исходным смыслом, а иногда и исходным мотивом принятия того или иного канона и его последующего приложения к конкретным случаям. Так, о. Виталий напоминает о печально известном толковании Константинопольским собором 1756 года «латинского крещения не таинством, а купанием», которое не было признано Русской церковью. Но каким должен быть общий подход к проблеме? За ответом о. Виталий сознательно обращается к наследию прот. Николая Афанасьева.

Во-первых, подчёркивается, что каноны не могут восприниматься как неизменно и вечно действующие нормы, ибо сам смысл канонической стороны

жизни Церкви состоит в регулировании её исторической практики, изменчивой по своему определению, поэтому «попытки применения церковных постановлений при отсутствии условий, применительно к которым они изданы, приведёт к противоположным результатам и поэтому явится выражением не богочеловеческой, а человеческой воли». И ещё: «каноны действительны, когда они могут быть приложены к таким условиям жизни, для которых они декретированы. Если нет этой точки их прикосновения, то они становятся недействительными, ибо они претерпевают изменения и заменяются другими».

Во-вторых, о. Виталий считает очень важной идею о. Николая о необходимости «творческого отношения Церкви к современности», с учётом того, что «новые формы исторической жизни требуют творческой деятельности Церкви».

Именно поэтому к понятию «еретик» следует относиться богословски и канонически строго. Не будем здесь вдаваться в подробности относительно конкретных квалификаций тех или иных воззрений; однако по крайней мере одно обстоятельство, с точки зрения автора, сохраняет своё принципиальное значение: ересь можно назвать только такое лжеучение, которое осуждено Собором и предано анафеме.

В этой связи важно, с точки зрения о. Виталия, напомнить, что поскольку ни к одному из упоминавшихся в его историческом экскурсе инославных исповеданий такого решения привести нельзя, то тема о «молитве с еретиками» к данной практике оказывается неприменимой. Правильнее поэтому сосредоточиться на созидательной задаче православного свидетельства о вере в Предании Древней церкви – «что является лучшей помощью с нашей стороны разъединённым христианам в деле восстановления их единства со Святой Соборной и Апостольской Церковью».

Отец Виталий остаётся верен себе. Для него достойно богословского и вообще церковного внимания лишь то, что соотносится со свидетельством миру о Христе Воскресшем. Церковными задачами считаются только те, решение коих может расцениваться как исполнение евангельских обетований. Незыряна на всю экзотику и пестроту современного мира, он всегда стремится делать дело Божье, поэтому даже внешне очень благостная, почти дипломатическая тематика церковного единства и молитв о нём становится поводом всерьёз озаботиться обновлением апостольского свидетельства и творческим хранением преемства Церковного Предания. Такое поведение и образ мысли едва ли очень характерны для дня сегодняшнего, может быть, поэтому мысли и чаяния протопресвитера Виталия Борового, пусть внешне до наивности прямые и открытые, звучат свежо и злободневно, обнадёживают и, увы, укоряют.

Зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ Д.М. Гзгзян

...16. Молитва о христианском единстве изначально была составной частью православного богослужения: «о благостоянии святых Божиих церквей и о соединении всех» (Великая ектения). Молилась Церковь всегда и о умножении любви и об обращении заблудших. В своей богатой и многообразной литургической жизни она знает и практикует специальные моления в нарочитые дни и времена о воссоединении всех христиан в Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

17. Молитвы о единстве, о помощи Божией в сближении и воссоединении разделённых Церквей, ведущих богословский диалог и переговоры о со-

единении, совершались и при особо торжественных и важных межцерковных событиях, официальных взаимных посещениях делегациями Церквей друг друга и т. п.

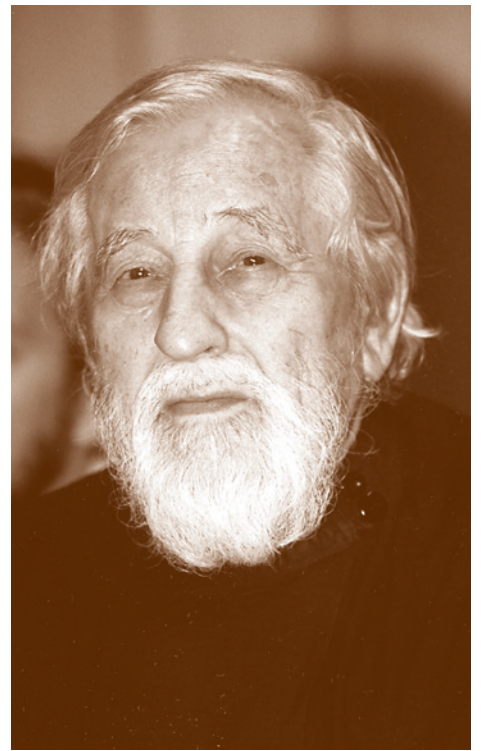
Так было в Лондоне, когда делегация Русской Православной Церкви во главе с архиепископом Антонием (Вадковским) в 1898 г. молилась (т. е. присутствовала) за торжественными богослужениями Церкви Англии в связи с юбилеем королевы Виктории. Так было, когда в начале XX в. епископ Американской Епископальной Церкви Графтон в сопровождении известного деятеля по англиканско-православному сближению Биркбека приехал в Россию, чтобы ускорить переговоры об объединении, имел многие беседы с русскими богословами и был принят митрополитом Антонием (Вадковским) и великим праведником, протодиаконом нашей Церкви Иоанном Кронштадтским.

Так было, когда в 1912 г. официальная делегация Церкви Англии (группа епископов и духовенства) посетила Русскую Церковь (в Петербурге и в Москве).

18. И поэтому, вполне естественно, что когда Комиссия «Веры и Церковного Устройства» Епископальной Церкви США призвала Церковь проводить в определённое время (в дни Пятидесятницы) особые молитвы о единстве всех христиан, а секретарь Комиссии Роберт Гардинер обратился по этому вопросу к Русской Церкви, то в ответ в 1918 г. получил от только что избранного Московским Собором 1917–1918 гг. Патриарха Тихона письмо с заверениями о поддержке «Недели молитв» о единстве христиан, с призыванием благословения Спасителя на это дело. Текст письма Святителя Тихона (в русском переводе с английского): «Возлюбленный брат во Христе. От всего моего сердца (сердечное) благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Я буду всегда в указанное (определённое) Вами время ревностно молиться об объединении всех христиан, тем более, что уже со времён моей юности я всегда молился об этом (за это). В настоящие беспокойные времена, когда враги Христовы воинствуют против Него с особым рвением (злойбой) теперь особенно необходимо для нас, верных (преданных) друг другу братьев, объединиться как можно ближе (крепче) для защиты христианской веры. Призываю на Вас благословение нашего Спасителя. Прошу Вас принять моё искреннее расположение (уважение). Ваш брат во Христе. (Епископ) Тихон. Москва, март 1918 г.»¹

19. Подобным же духом молитв о христианском единстве и необходимости единства для победы над силами зла и ненависти проникнуто и послание Московского Собора председателю Комиссии «Веры и Церковного устройства» епископу Чикаго Андерсону в ответ на зачитанное на Соборе делегацией «Веры и Устройства» приветствие².

В ответе Собора говорится, что приветствие «Веры и церковного устройства», зачитанное в день открытия Собора (28 августа 1917 года), было воспринято Собором с глубоким удовлетворением и Собор единодушно (единогласно) проголосовал выразить благодарность «Вере и церковному устройству». Собор призывает «всех христиан объединиться в горячие молитвах о Русской Церкви в её борьбе против врагов Христа и религии». Патриарх посылает свои лучшие пожелания и благословение Комиссии по созову Всемирной Конференции «Веры и церковного устройства», председателю епископу Андерсону, секретарю комиссии Р. Гардинеру и всем друзьям в Америке: «Наше благословение всем.

Протопресвитер Виталий Боровой (18 января 1916 г. – 7 апреля 2008 г.)

Тихон, Патриарх Всероссийский, Председатель Собора Святой Православной Российской Церкви».

Получив это послание Собора, Комиссия «Веры и церковного устройства» постановила подготовить особое послание Патриарху Тихону о том, что «Вера и церковное устройство» будет особенно молиться о Русской Церкви, в солидарности с её страданиями и в христианском единстве с нею³.

20. Молитвы и единство всех христиан особенно были нужны тогда Русской Православной Церкви, которая в 1918 г. вступила в новый трагический период своей истории, время мученичества, исповедничества, гонений и полной изоляции.

Сознавая это, Всероссийский Собор 1918 г. на своём последнем заседании, под угрозой разгона со стороны новой, атеистической, власти по предложению секции об объединении (единении) христианских Церквей (председателем которой был епископ Евдоким, один из преемников Патриарха Тихона в бытность его епископом в Северной Америке) единогласно принял резолюцию (в связи с переговорами об объединении с англиканами и старокатоликами), что «Святой Собор Православной Российской Церкви» даёт своё благословение, благословляет труды и усилия тех, кто старается найти пути к единству с этими дружественными Церквями.

Резолюция 20 сентября 1918 г. была последним деянием Собора – на его последнем заседании – перед концом и разгоном. Это было последнее слово Собора – благословение тем, кто трудится для приближения христианского единства, благословение на дело единства.

Материал из архива протопресв. Виталия Борового
Фотограф: Анатолий Мозгов (+ 2008)

¹ Materials Union Theological Seminary, New York – из архивов Всемирного Совета Церквей, Материалы переписки Роберта Гардинера – 230-014, F-17.

² Послание от имени «Собора Святой Православной Русской Церкви» подписано Председателем Собора Патриархом Тихоном и секретарём Собора проф. В. Бенешевичем. Декабрь, 1917 г., № 1752. Приведённые здесь выдержки из ответа Собора Андерсону даются в переводе с английского (текст в материалах переписки Р. Гардинера, в архивах Всемирного Совета Церквей. 230-014. F-17. World Conference on F.O. Bulletin № 18, September 23, 1918).

³ Там же. Протоколы Комиссии. – Апрель, 9, 1918, р. 174–176. Архив ВСЦ.

За что мы благодарим Бога

Начало на с. 1

Были в этом году и печали, были какие-то напряжения, более того, может быть, они и постоянно происходят, даже каждый день – пусть это так! Но ведь не

только же это происходит в нашей жизни. В ней значительно больше светлого, радостного, укрепляющего нас в вере, надежде и любви. И если они есть в нашей жизни, то разве за них мы не должны благодарить? Разве у нас можно украсть радость нашей христианской жизни? Как мы все хорошо знаем, радовались даже мученики, которым приходилось явно нести свой крест со всеми его страданиями. Да, каждому приходится нести свой крест, и без этого невозможно. Но сила-то Божья в немощи совершается, и унывать, и расслабляться, и опускать руки и нос мы никак не можем даже просто пред лицом Божиим, уж не говоря про людей.

Итак, за что же мы благодарим Бога? Мы весь год радовались многочисленным событиям нашей институтской и братской жизни, не только нашей постоянной работе. Учёба, духовное познание всегда даёт радость и учителям, и студентам – это понятно, – и радость эта велика. Но особенно бывает радостно, когда вдруг находишь общий язык с теми, с кем его найти, казалось бы, трудно. У нас уже три года проходят семинары, которые мы немного в шутку, немного всерьёз называем «Физики и клирики». На них собираются некоторые специалисты мирового уровня в космологической сфере. И это важно, потому что мы с вами призваны познавать мир – и тайны жизни, и тайны человека, и здесь нельзя только вариться в собственном соку или повторять одни и те же мифологемы. Так что мы за это благодарим Бога.

Я хочу вспомнить и прошедшую в начале 2016 года в Москве премьеру фильма «Братство», повторившуюся потом в Петербурге, Воронеже, Архангельске, Екатеринбурге, Твери и других городах, – премьеру, часто сопровождавшуюся обсуждением, в том числе с духовенством. Помните, за год до этого мы сделали фильм, посвящённый Александру-Невскому братству, который был показан в целом ряде городов нашей страны? Иногда церковная власть даже считала нужным приглашать на это событие всех клириков митрополии – прежде всего для дискуссии, для того, чтобы поговорить о том, что братство – это что-то не очень простое и не сразу-таки приемлемое. Но

разговор, разворачивавшийся в таких условиях, скажем, в Воронеже, привёл к тому, что миряне, которые не были ангажированы, говорили священникам: «А почему у нас на приходах этого нет?» Этот итог был совершенно неожиданным и для нас, и, я думаю, для кого-то из тех, кто организовывал эти встречи.

Говоря о братской жизни, мы не можем не вспомнить то, о чём нельзя забыть ни на один день: мы вступаем в 2017 год. Для кого-то в мире это, может быть, ничего не значит, но для нас имеет огромное значение. И мы прекрасно понимаем, что подвести итоги столетия совершенно необходимо. Ведь это ещё не сделано в должной мере ни в нашей стране, ни за рубежом – нигде, хотя многие люди уже над этим потрудились, да и как же иначе? Но всё-таки само собою, изнутри человеческого веления, внутренней потребности раскрывается то действие, которое связано с покаянием, даже с национальным покаянием за преступления советского режима. И не случайно 30 октября на Молитву памяти пришла огромное количество людей. Она прошла в Москве и ещё в 27 городах, в том числе и, как никогда прежде, за рубежом – и во Франции, и в Америке, и в Канаде, и в Германии, и в Латвии. Это очень важно, ведь даже в Париже, в этом центре русской эмиграции, такого никогда не было. А ведь эта молитва людей объединяет, заставляет их не просто уныло оборачиваться в прошлое, а с надеждой смотреть в будущее. И в этот же день в Центральном доме архитектора в Москве мы молились о России, вспоминая исторические молитвы разных веков, начиная с XVII, и приносим современные молитвы, которые рождаются сами собой и не могут не рождаться. Это очень важно. И мы не нашли людей, которые были бы потом в принципе против этого, если не считать некоторых совершенно заказных выступлений с очевидной для всех идеологической подоплёкой.

Мы, конечно, благодарим за это Господа и очень надеемся, что весь следующий год мы о таких вещах не забудем и будем продолжать разные встречи, циклы бесед, лекций, каких-то осмыслений, дискуссий, не забывая и о самом покаянии. И покаянии не индивидуальном только, а всё-таки в христианской, и даже ещё общебиблейской традиции покаяния всего народа – и церковного, и всего нашего многострадального народа, прежде всего русского народа, более всех пострадавшего за прошедшее столетие.

Я думаю, вы все помните прошедший в августе второй фестиваль «Преображенские встречи». Слава Богу, мы имели возможность послужить, как и в прошлом

году, Литургию в храме Христа Спасителя. И все братчики могли причаститься, сколько бы тысяч их ни было. Надеемся, что это превратится в церковную традицию. И назывался наш фестиваль в прошедшем году замечательно: «Имеющие надежду». Это тоже оказалось плодотворным попаданием в точку, мы даже решили сохранить это название и на будущее.

В этом году проходил наш первый небольшой молодёжный фестиваль, организованный «Молодёжным кругом»; он собрал 130 человек. Я считаю, что для начала это замечательно. Тем более что было и воодушевление, и вдохновение. И за это мы с вами тоже можем благодарить Бога, даже те, кто совсем и не участвовал в этом.

И братство, и институт проводили разные конференции, семинары, выставки. И здесь, конечно, хочется прежде всего вспомнить мартовскую конференцию, посвящённую дружеским кругам как основе соборности и солидарности в России, и майскую конференцию по катехизации, уже седьмую. Мы закончили этот цикл, посвящённый святоотеческой традиции катехизации, и со следующего года начнём цикл экклесиологический: эти темы естественно вытекают одна из другой.

Мы проводили выставки, конференции, писали статьи, проводили семинары в связи со 125-летием матери Марии (Скобцовой). И это оказалось очень плодотворным. Вспоминали мы в этом году и отца Виталия Борового в связи со столетием со дня его рождения.

Мы делали что-то и в очень далёких краях (например, проводили выставку «Не должно вам быть (Non licet vos esse)» в Средней Азии – в Ташкенте и во всём Узбекистане) и совсем рядом, около Братского дома в Истринском районе (там мы проводили детские праздники для жителей посёлка, проект «Лето в парке», дела и многое другое).

Слава Богу, что мы традиционно проводили наши соборы, 27-й Преображенский и 17-й Сретенский. Это замечательно, потому что, казалось бы, цифры уже какие-то космические, кажется, даже съездов КПСС было меньше. Но наши соборы – это вещи другого порядка.

Были поводы для поддержки движения к общехристианскому единству. Здесь хотелось бы вспомнить и мои выступления в связи с встречей патриарха Кирилла с папой Римским на Кубе, и многочисленные встречи, в которых участвовали члены братства. Это и конгресс движения АКЛИ в Милане, и съезд движения «Вместе за Европу» в Мюнхене, и семинар «Диалог и молитва» в Освенциме, и конференция в Бозе, и встреча, посвящённая столетию со дня смерти Шарля де Фуко, и проходившая в монастыре Сан-Сальвадоре презент-

тация совместного издания о наших духовных учителях, посвящённая Джузеппе Ланцатти и матери Марии (Скобцовой)... Хотя, несомненно, здесь надо думать уже о каких-то новых идеях, новых формах. Нельзя просто механически воспроизводить то, что было найдено в XX веке. Я, конечно, имею в виду внешние формы, потому что само по себе христианское единство – заповедь Божья. А заповеди мы просто должны исполнять.

Мне приходилось выступать в связи с Всеправославным собором на Крите и высказать убеждение в том, что эпоха вселенских соборов закончилась. Я думаю, то, как прошёл Всеправославный собор, подтвердило именно эту идею. Что касается участия братства в укреплении внутри-православных связей, можно вспомнить участие наших братчиков в фестивале Синдесмоса, в молодёжном лагере православного братства «Воинство Господне» в Румынии, в лагере РСХД во Франции.

Кроме того, летом прошли тридцать три братских собора с детьми. Это, конечно, замечательно. И главное, что они прошли не просто как некое облегчённое приятственное времяпрепровождение, а всё-таки как-то лучше. И подростковый лагерь на тему «Русский народ и русский человек» собрал 140 человек.

Были такие приятные вещи, как, скажем, докторская защита нынешнего нашего учёного секретаря Юлии Валентиновны Балакшиной, которую я рад здесь видеть и приветствовать.

Ну, может быть, на этом я и остановлюсь, хотя перечислил только то, что всем более или менее известно и звучит наиболее вдохновляюще. Но этот замечательный год запомнится. И я уверен, что мы будем встречать наступающий год с радостным сердцем, хотя он и не обещает никаких розовых картин и впечатлений. И тем не менее сила Божья действительно совершается в немощи: «Когда я немощен, тогда силен» – как прекрасно это выразил апостол Павел. Поэтому, дорогие братья и сёстры, будем с вами дальше служить Богу и Церкви по любви к Господу и ближним. Да, у нас получается не всё и не всегда, и все мы много согрешаем. И всё-таки все наши согрешения прощаются по ходатайству Господа нашего Иисуса Христа и Святого Духа пред Отцом Небесным. Главное, чтобы мы не оказывались вне действия благодати Божьей, ведь иначе это ходатайство может остаться без действия. Вот это важно для нас. Но чтобы этого не произошло, надо быть и жить вместе, надо устанавливать человеческие связи по принципу любви, свободы и истины, и правды, коль мы живём на земле. И тогда Господь будет с нами. А мы надеемся всегда быть с Богом.

Аминь.

Деятельность Преображенского братства так разнообразна и масштабна, во многих епархиях она осуществляется в плодотворном взаимодействии с местными епархиальными отделами, приходами. Почему же в некоторых местах до сих пор можно слышать нападки на братство и на братчиков, а на одном из приходов Русской православной церкви их вообще отказываются причащать?

Председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак:

Так уж случилось, что жизнь Преображенского братства напрямую связана с насущными задачами, стоящими перед нашей церковью начиная с позднесоветских времен, а затем и в 1990-е и 2000-е годы.

Сегодня церковь стремится быть активной в разных сферах жизни. Растёт количество приходских храмов и монастырей. Но главные трудности на путях возрождения церкви мы встречаем не здесь. Жизнь Православной Российской церкви в конце XIX – начале XX века не сводилась к храмовому культу и выглядела более многообразно, и в ранний советский период патриарх Тихон не случайно инициировал создание братств

и церковных союзов, преследуя цель сохранения христианских начал, евангельских принципов жизни не только среди клира, но и среди мирян. Патриарх думал о сохранении церкви как народа Божьего, как стада Христова. Разумеется, коммунистическая власть все эти начинания церковного народа методично подавила, многие братчики были расстреляны и сосланы. И если после 1943 года незначительная часть храмов была возвращена церкви, а часть иерархии освобождена из лагерей и восстановлена в служении, то братские отношения между верующими жёстко преследовались весь советский период.

Поэтому и сейчас самым острым вопросом является собственно возрождение жизни церковного народа, его собрание, просвещение, т. е. возрождение церкви как собрания православных христиан, где Божья правда, доверие и братская любовь в Христовой свободе были бы реальностью.

Очень многое здесь было разрушено в советское время, а многие начатки церковной жизни были погублены и в постсоветское время, в период 1990-х – 2000-х. Кто это делал и с какой целью? Конечно, антицерковные силы, действовавшие до 1000-летия Крещения Руси, нигде не растворились и продолжают

действовать, сея в обществе и в церкви разделение, провоцируя недоверие людей друг к другу. Достаточно вспомнить, что многие СМИ – от ультралиберальных до ультраконсервативных – намеренно создают негативный образ церковнослужителей, от патриарха до простого священника, а любое проявление свободы в самой церкви, в чем бы оно ни выражалось – в проповеди Евангелия, в молитве, в общении и служении – часто вызывает недоверие и агрессию. Голос же добросовестных служителей почти не звучит, так как в обществе не хотят «пиарить РПЦ».

И отвечая на Ваш вопрос, приходится признать, что все претензии, потоки клеветы, заполнившие интернет, и прямые гонения на братство вызваны и прямыми действиями антицерковных сил, и тем, что братская жизнь, гонимая в течение многих десятилетий, воспринимается теперь как нечто непривычное, отличное от видимого образа Русской православной церкви позднесоветского времени. Невидимая же жизнь той же самой церкви, явленная в опыте новомучеников и исповедников (многие из которых были членами и устроителями общин и братств), ныне остаётся скрытой для многих за стилизованными житиями и формальным почитанием самых близких к нам по времени святых.

Разумеется, мы, члены Преображенского братства, как и все люди, много согрешаем. Будь это не так, мы могли бы жить лучше, с большим вдохновением и большими плодами. Но приписываемые братству сектанство, неуважение к

иерархии, стремление создать «на иной платформе», модернизм и еще Бог знает что – неправда, и с этим мы не можем согласиться. Иногда говорят, что мы ищем только своё, только интересное для нас. Это не так. Правда, мы глубоко убеждены, что без последовательной и полной катехизации воцерковления современного человека невозможно. Но кто из серьезных пастырей в этом не убеждён? Не об этом ли говорит и наш патриарх? Также мы считаем, что невозможно церковная жизнь без общинного и братского начала в духе Христовой любви. Об этом мы говорим всегда и везде, как говорили об этом и многие люди в начале XX века. Это слишком важный вопрос, чтобы о нем молчать. Но это как раз не «своё», это то, что касается всей церкви, всех её членов без исключения.

Затишье перед бурей

Январь 1917 года был сравнительно спокойным месяцем. Явных и резких политических баталий в это время не происходило, что было особенно заметно после бурного декабря, отмеченного не только убийством Распутина, но и многими другими событиями («В декабре неистовствовали съезды за съездами – земский, городской, даже дворянский, соревнуясь, чье поношение правительства и царской власти громче. И презный любимый государев министр Николай Маклаков, чьи доклады всегда были для Государя радостью, а работа с ним воодушевительной, а уволил он его под давлением Николаши¹, – теперь написал всеподданнейше, что эти съезды и всё улюлюканье печати надо правильно понимать, что это начался прямой штурм власти. И Маклаков же представил записку от верных людей, как спасти государство, а Щегловитов – другую такую же», – пишет об этом Солженицын).

На фронте готовились к решительному наступлению, а пока проводили небольшие наступательные операции. Правда, в ходе одной из них в начале января при общем её успехе прозвучал тревожный «звоночек»: 17-й сибирский полк отказался идти в атаку и предъявил политические требования («конституционное правление с ответственным министерством»). Часть войск II и VI сибирских корпусов присоединилась к восставшим. 92 человека были преданы полковому суду и казнены, сотни солдат сосланы на каторгу, а наступление в этом районе фронта не состоялось.

Может быть, одним из главных событий этого времени была произошедшая в самых последних числах декабря и в начале января замена множества министров. Поэтому сегодня мы постараемся рассказать и о них, и в целом о том, в каком составе пришло правительство России к февральским событиям.

Правительство России

Совет министров (до этого существовал Комитет министров) был учрежден именованным Высочайшим указом от 19 октября 1905 года для «управления и объединения действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Все министерства и главные управления объявлялись частями единого государственного управления, министры перестали быть отдельными чиновниками, ответственными перед императором каждый лишь за свои действия и распоряжения.

В кабинет входило 13 человек («Всего в правительстве состояло роковое число тринадцать. Четырнадцатого, министерства народного здоровья, Дума никак не давала создать», – замечает по этому поводу в «Красном Колесе»). Шесть из тех, кому предстояло встретиться февраль 1917-го, были назначены (и ещё один утверждён в должности) в период с 20 декабря 1916 года по 12 января 1917-го. А вообще не сменялись с начала войны из них всего лишь двое: Иван Константинович Григорович, который 19 марта 1911 года был одновременно с производством в адмиралы назначен морским министром, и Пётр Львович Барк, с 6 мая 1914 года министр финансов.

На всех других должностях происходили постоянные изменения. С учётом последних назначений с лета 1914 года (то есть всего за два с половиной года!) на посту министра внутренних дел сменялись шесть человек, председателя Совета министров, военного министра, министра юстиции, обер-прокурора Синода – по четверо, министра иностранных дел, министра путей сообщения, министра просвещения, государственного контролера – по трое.

Причиной этого судорожного и бесперывного изменения состава правительства кто-то считал влияние Распутина (оказываемое за мзду), кто-то – влияние императрицы, свидетельствовавшее о её сильной неуравновешенности (и даже члены императорской семьи мечтали о том, чтобы изолировать её, и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна выговаривала сыну за зависимость от решений жены). Однако возможным кажется и то, что в атмосфере нескончаемого давления и напряжения император и императрица хотели найти хоть кого-то, кто будет им предан.

Получалось же в результате всё хуже и хуже. («Это был паноптикум слабых и неспособных людей – что в Петрограде, что в Могилёве. Давно вереницею тянулась перед глазами выдающаяся бездарность и безликость всех назначений – и вот проступила враз параличину, военным министром – генерала в футляре, внутренних дел – прохвоста, командующим Округом – чурбана, и послать диктатором – оглядчивого труса. Это было скорей ошибкой доктрины – учения и духа, в котором воспитывалось командование, какой-то Шлиффен наоборот: как дать себя окружить, расчленив и поскорее капитулировать», – так размышляет о кадровой проблеме уже после отречения императора один из героев «Красного Колеса», деятельный генерал Свечин).

Все эти назначения вызывали всё большее раздражение в Думе, настаивавшей на «министерстве народного доверия», т. е. фактически на передаче власти кадетам. Однако наибольшее возмущение вызвало назначение в сентябре управляющим Министерством внутренних дел² как раз одного из думцев³ и членов Прогрессивного блока, рекомендованного на пост министра председателем Думы⁴, – Александра Дмитриевича Протопопова. Несмотря на то, что принятые им и утверждённые государем постановления во многом шли навстречу настойчивым первоочередным требованиям прогрессистов

(так, например, он издал циркуляр, по которому евреи получили разрешение на жительство без регистрации в Москве и городах, не находящихся на театре военных действий), бывшие товарищи относились к нему с ненавистью, как к «изменнику», и настойчиво требовали его отставки. По горькой иронии судьбы, именно этому человеку, упорно отстаивавшему право остаться на посту министра внутренних дел и так же упорно защищаемому государем, предстояло сыграть роковую роль в событиях февраля 1917 года.

Неужели всё было так плохо?

Конечно, немыслимо было бы предположить, что все 13 членов Кабинета действительно были слабы и неспособны. Среди них были такие разумные, твёрдые люди, как назначенный 12 января министр продовольствия Александр Александрович Риттих, один из основных разработчиков и исполнителей Столыпинской аграрной реформы, участвовавший в подготовке её основных законодательных актов и направлявший в командировки для непосредственного руководства её проведением. Он «был необычайно энергичен, отлично знал дела своего ведомства... знал страну лучше всех других членов кабинета»⁵. («Александр Риттих, выпавший из традиции последних русских правительств – отсутствующих, безличных, параличных, сам из того же образованного слоя, который десятилетиями либеральствовал и критиковал, Риттих, весь сосредоточенный на деле, всегда готовый отчитываться и аргументировать, словно нарочно был послан судьбою на последнюю неделю русской Государственной Думы, чтобы показать, чего стоила она и чего хотела. Всё время её критика была в то, что в правительстве нет знающих деятельных министров, – и вот появился знающий, деятельный, и на самом ответственном деле, – и тем более надо было его отвергнуть!» – пишет о нём Солженицын).

Деловыми, энергичными, знающими своё дело были и министр торговли и промышленности Всеволод Николаевич Шаховской, и министр путей сообщения Эдуард Брониславович Кригер-Войновский⁶. Если бы таких людей в правительстве было хотя бы немного больше, если бы у всех них было немного больше времени, чем два месяца, чтобы научиться думать и работать вместе, так, чтобы действительно стать «частями единого государственного управления»...

Судьба министров после 1917 года сложилась поразно. Четверо (премьер-министр кн. Н.Д. Голицын, министр внутренних дел А.Д. Протопопов, военный министр М.А. Беляев и министр юстиции Н.А. Добровольский) были расстреляны органами ЧК-ОГПУ; Добровольский был расстрелян не по отдельному приговору, а в числе других пятидесяти девяти заложников в Пятигорске. Восемь человек из тринадцати – министр финансов П.Л. Барк, морской министр И.К. Григорович, министр путей сообщения Э.Б. Кригер-Войновский, министр просвещения Н.К. Кульчицкий, министр иностранных дел Н.Н. Покровский, министр продовольствия А.А. Риттих, государственный контролёр С.Г. Феодосьев, министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской – эмигрировали и умерли в разных городах Англии, Франции и Литвы, в основном в 1930-е годы. Н.П. Раев, обер-прокурор Синода, умер в 1919 году в бедности на территории, контролируемой Белой армией, в Армавире.

И тем не менее январь был тихим месяцем. Одним из тех двух месяцев, которые император провёл вместе со своей семьёй, утешая убитую горем жену. И хотя со многих сторон поступали сведения, что повсюду в столице и даже в гвардии открыто говорят о подготовке государственного переворота, он был по-прежнему, как замечает Солженицын, «уверен, что во время войны никакой русский не пойдёт на переворот, ни даже Государственная Дума, в глубине-то все любят Россию».

Вот как описано это время (конечно, по материалам документов и личных дневников) в «Красном Колесе»: «Никогда ещё вокруг царской семьи не чувствовалось такое ноющее одиночество, как после этого злосчастного убийства⁶. Преданные родственниками и оклеветанные обществом, они сохраняли только нескольких близких министров – но и их тоже, тем более, ненавидя адъютант Саблин, тоже оставались наперечёт. С ними и проводили святки, зимние вечера и воскресенья на малолюдных обедах, чаях, то приглашали во дворец маленький оркестр, а то кинематограф. Да ещё оставались неповторимо-разнообразные прогулки в окрестностях Царского, даже новинка: на снеговых моторах. А по вечерам Николай много читал семье вслух, решал с детьми головоломки».

Материал подготовила Александра Колымагина

¹ То есть вел. кн. Николая Николаевича.

² В должности министра Протопопов был утверждён 20 декабря.

³ С 1914 года – товарища председателя Государственной думы.

⁴ По воспоминаниям В.Н. Шаховского, на пост министра Протопопова рекомендовали председатель Государственной думы

М.В. Родзянко и министр иностранных дел С.Д. Сазонов (предшественник Н.Н. Покровского). Английский король Георг V в личном письме Николаю II дал о Протопопове восторженный отзыв. Сам Протопопов из лиц, рекомендовавших его государю,

называл Сазонова, Родзянко, военного министра Шуваева и посла в Лондоне графа Бенкендорфа.

⁵ Мнение министра финансов П.Л. Барка.

⁶ Имеется в виду убийство Распутина.

Николай Дмитриевич Голицын 27 декабря 1916 года, по настойчивому требованию императрицы Александры Фёдоровны, был назначен председателем Совета министров. Камер-юнкер А.А. Татищев в своих воспоминаниях писал: «В самом конце года был уволен Трепов. Преемником его был назначен князь Николай Дмитриевич Голицын, милейший человек, но не государственный деятель большого калибра. Он сам это признавал и долго умолял Государя отменить его назначение, ссылаясь на свою неподготовленность для роли премьер-министра. Но затем, как верноподданный, подчинился и вступил в исправление должности, в которой, однако, по существу, оставался бессильным».

Выступал за диалог с Государственной думой, ходатайствовал перед императором об отставке министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Выступил против роспуска Думы. 27 февраля (12 марта) 1917 года вместе с М.В. Родзянко, великим князем Михаилом Александровичем и другими принимал участие в обсуждении телеграммы императору (отправлена от имени великого князя), в которой сообщалось о серьёзности положения в Петрограде и необходимости назначения председателем Совета министров авторитетного общественного деятеля. Вместе с другими министрами был арестован 28 февраля (13 марта) 1917 года.

После захвата власти большевиками остался в России, зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом и охраной общественных огородов. Хотя политической деятельностью не занимался, в 1920–1924 годах дважды арестовывался органами ВЧК-ОГПУ по подозрению в связи с контрреволюционерами. После третьего ареста в связи с «Делом лицейцев» по постановлению Коллегии ОГПУ был расстрелян 2 июля 1925 года в Ленинграде.

Александр Дмитриевич Протопопов Князь Н.Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Синода, писал о Протопопове: «Принадлежал в Думе к левым партиям, А.Д. Протопопов знал не только общую картину думского революционного заговора, все извилистые тропинки, какие вели к свержению Престола и Династии... Вот почему он был так опасен Думе; вот почему Дума ни разу не пустила

А.Д. Протопопова на думскую кафедру, опасаясь разоблачений, которые стали бы известны всей России. А.Д. Протопопов был типичный русский человек старого закала, один из тех людей, кто не войдет в комнату, не осевив себя крестным знамением, не сядет за обеденный стол, не прочитав молитвы, не пройдет мимо церкви, не сняв шапки, не заснёт, если в спальне не будет гореть лампада... Это глубокое сознание зависимости от Бога даже в мелочах повседневной жизни не было у него рисовкою, а вытекало из глубоких недр его религиозной настроенности. Из этого же настроения вытекало и та его безграничная смелость, которая позволила ему, бывшему лидеру левых партий Думы, бросить последний вызов и открыто вступить с Думой в смертный бой. Победила Дума. Но эта победа, кончившаяся смертью А.Д. Протопопова, явилась и её собственной смертью и гибелью всей России». Нельзя не заметить, что поведение Протопопова в дни февральской революции было не смелым, а заторможенно-отстранённым; казалось, что он не понимал, что происходит. По мнению некоторых современников (например, А.А. Блока), именно бездействие министра внутренних дел стало основной причиной победы февральской революции в Петрограде. Утром 27 февраля Протопопов послал в Думу Высочайший указ о её роспуске. 28 февраля в 11 часов вечера добровольно явился в Таврический дворец и сдался революционерам.

С 1 марта по сентябрь 1917 находился в заключении в Петропавловской крепости, затем некоторое время под охраной в лечебнице для нервных больных. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. В своих показаниях среди прочего сообщал, что в 1915–1916 годах у него были психотические приступы, во время которых он полностью терял контроль над собой: бегал на четвереньках, катался по полу, покушался на самоубийство; за консультациями обращался к знаменитому психиатру В.М. Бехтереву. Психическое состояние Протопопова во время пребывания в заключении в Петропавловской крепости ещё более ухудшилось, он страдал галлюцинациями и считал, что в камере установлен аппарат для чтения его мыслей. В сентябре 1917 года Протопопов был переведён в Николаевский военный госпиталь и подвергнут медицинскому освидетельствованию. Эксперты установили, что он страдал циркулярным психозом (в современной терминологии – биполярным аффективным расстройством, некоторое время назад это же заболевание называлось маниакально-депрессивным психозом). Несмотря на это, Петроградский окружной суд 30 октября 1917 года признал его психически здоровым. 27 октября 1918 года в порядке «административного усмотрения» был расстрелян в Москве органами ЧК.

Год минувший и год наступающий

Священник Феодор Людоговский

За что из случившегося в прошедшем году Вы хотели бы поблагодарить Бога?

Священник Феодор Людоговский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН: Благодарить Бога – дело вообще неочевидное. По крайней мере, нам гораздо привычнее у Бога что-то просить – идёт ли речь о материальных благах или же о прощении грехов. А вот благодарить – про это, как мне кажется, христиане вспоминают гораздо реже. А между тем и в 2016-м, и в любом другом году мы можем поблагодарить Бога за этот прекрасный мир, который «хорош весьма». Конечно, там, где проходит человек, нередко остаются руины, но всё же – слава Богу! – этот

мир, эта Вселенная не вертится вокруг человека – ни в прямом, ни в переносном смысле. Посмотрите на звёздное небо, на Луну, на планеты, звёзды, галактики – всё это дивное, прекрасное Божье творение. Вернитесь на Землю – и здесь есть удивительные животные (мы убили пока что не всех), растения, леса, горы, океаны. Всё это Господь дал нам в дар. Уже за это Его можно и нужно благодарить ежечасно.

Священник Христофор Д'Алоизио, настоятель Свято-Троицкой церкви в Брюсселе, инспектор образования французской общины в Бельгии: В 2016 году мне была дарована радость увидеть обновление жизни Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе с избранием нового экзарха и нового Совета архиепископии. Эта часть Церкви является истинным свидетелем всецерковного обновления на протяжении всего XX века, несмотря на многочисленные атаки на её целостность. Тем не менее милостью Божьей Архиепископия продолжает жить и набирать силу и сегодня. Наш новый архиепископ только начинает знакомиться с Экзархатом, однако мы видим его полную и искреннюю готовность вдохновлять и защищать нашу общую церковную жизнь.

Какие надежды Вы испытываете в связи с наступившим 2017 годом? Ведь у многих этот год столетия русской катастрофы вызывает в первую очередь тяжёлые ассоциации.

Священник Феодор Людоговский: Я не очень верю в магию цифр – по крайней мере, в столь прямолинейную. Конечно, я не пророк, но я не жду от этого года каких-то решительных изменений.

Если говорить о положении дел в нашей стране, то экономика будет плавно сползать вниз, недовольство по углам будет усиливаться, гайки будут и дальше закручиваться – но я не думаю, что случится революция или гражданская война. Весьма вероятно, что подобные события всё же произойдут, но позже, возможно – в 2024–2025 годах.

А мои надежды связаны отнюдь не с отечественной экономикой. К счастью, на этой планете есть и другие страны. И там происходит невиданное развитие технологий. В последние годы принято скептически отзываться о научно-техническом прогрессе; особенно, как мне видится, такое отношение свойственно православно-средневековой среде. Честно говоря, мне это странно. Ведь способность и тяга к творчеству, к исследованиям, открытиям заложена в нас Творцом. Мы – не наша страна, а человечество в целом в лице его лучших представителей – находимся на пороге совершенно нового уклада жизни. Развивается чистая энергетика – мы всё более эффективно можем получать энергию от солнца, ветра и других экологических источников, нам вскоре не нужно будет жечь нефть и газ. Всё больше появляется автомобилей, которые работают не на бензине или дизеле, а на альтернативном топливе, так что есть надежда, что мы наконец-то перестанем загрязнять Божий мир. Развивается медицина, развиваются фундаментальные науки. В астрономии прогресс настолько значителен, что, можно сказать, мы только сейчас начинаем изучать Вселенную – а ведь это не просто пустое холодное пространство, а мир, созданный мудрым и любящим Творцом.

Обнадёживает и то, что человечество всё больше осознаёт своё единство, граждане развитых стран протягивают руку помощи тем, кто оказался в беде и нужде. И это вполне по-христиански: все

мы дети одного Отца, все мы призваны к любви и милосердию – и в 2017 году, и во все последующие годы.

Священник Христофор Д'Алоизио: Для нас, живущих в Западной Европе, 2017-й является годом памяти великого события, которое позволило нашей церкви обновиться: Московского Поместного собора 1917–1918 гг. Людей, которые действительно изучили его историю и его постановления, немного; тем не менее, наши общины, наши прихожане и наш экзархат живут его наследием. То, что мы собой представляем, и плоды, которые мы можем приносить миру через наше свидетельство, – всё это вырастает из наследия Собора 1917 года. Конечно, мы вспоминаем и боль тех времён в Москве и повсюду в России, а также в соседних странах. И это ещё больше наполняет нас осознанием высокой ценности соборного наследия.

Священник Христофор Д'Алоизио

Интервью с протоиереем Геннадием Фастом

Начало на с. 1

Какие надежды Вы испытываете в связи с наступившим годом? У многих этот год столетия революции вызывает тяжёлые ассоциации.

Если не пытаться играть в какие-то красивые ответы, особых надежд я не питаю. А что будет – это знает Бог. Да, сейчас время осмысления, и Рождественские чтения идут под знаком «1917–2017. Уроки столетия».

На региональном уровне у нас тоже были Свято-Иннокентиевские чтения, и буквально такой доклад я и делал – «Уроки столетия». Говорил о четырёх уроках, хотя можно найти и четырнадцать, и сорок четыре, и сколько хочешь. И в Красноярске я этот доклад тоже делал в краевом лектории. Этот год, особенно для старшего поколения, воспринимается почти мистически: «1917», «Октябрь», «Октябрь 1917-го», «мы родом из Октября» – это нечто. Я не знаю, насколько

молодёжь это чувствует, а мы, выросшие в СССР, конечно, чувствуем. Поэтому осмысление действительно необходимо...

Хотя меньше всего, я думаю, что что-нибудь серьёзное в жизни соединяется с датами. За всю мою жизнь такое было только один раз – в 1988 году. 1000-летие Крещения Руси стало переломным моментом в истории новой Руси. Как угодно его называют – вплоть до второго крещения Руси. Сначала я скептически относился к празднованию юбилея. У нас, воспитанных в брежневскую эпоху, на все эти исторические юбилеи вообще аллергия была. Ведь юбилейная комиссия в церкви была создана ещё в 1980 году. А когда начался 1988 год – как когда май начинается, почки набухают, вдруг оно как пошло изнутри, в том числе и во мне, помню, и во всём окружении. Это было нечто. Это был не юбилей исторического события, а это было историческое событие.

Например, ничего подобного не было в чаеом 1992 году – 7500 лет творения мира в библейской хронологии. В принципе ничего подобного не было в 2000 году, хотя в нашей церкви было значимое событие – Архиерейский собор, канонизация новомучеников. Это, конечно, был собор, который подвел итог века и дал некий импульс в новый век, это было значимое событие. Но на уровне 2000-летия никаких событий глобального, планетарного масштаба не происходило. События происходят, когда им Бог даёт произойти. Поэтому тут я меньше всего склонен к этой игре в цифры.

Между прочим, когда 2014 год наступил – тоже юбилей, сто лет с начала Первой мировой войны, – при желании можно, конечно, связать с этой датой события на Украине, но все-таки это не мировая война, хотя событие значимое, серьёзное.

У нас в братстве есть надежда, что, может быть, люди, которые действительно понимают всю

катастрофичность произошедшего, смогут покаяться за произошедшее в XX веке – покаяться за весь народ, хотя веры в то, что абсолютно весь народ покается, пожалуй, нет.

Покаяние происходит, когда Дух Святой коснётся – это касается личности, это касается сообщества, может коснуться страны, народа. Дай Бог! Но это не происходит явочным порядком: «вот, сто лет исполнилось, давайте покаемся». Можно отслужить покаянный молебен, даже во всех храмах Русской православной церкви. Допускаю, что даже по патриаршему благословению может что-то подобное произойти. Но будет ли при этом то, что было в 1988-м? Тогда происходило нечто от Бога, не просто по распоряжению священноначалия – юбилей, давайте отпразднуем. На само священноначалие смотреть было удивительно! Они становились другими, они сами были, пожалуй, ошеломлены, не ожидали, что будет происходить. К юбилеям-то, естественно, все были привычны. Профессиональное, может быть, было к ним отношение. А всё пошло по-новому. Прямо по Ленину: когда верхи не могут жить по-старому, низы не хотят, а как по-новому – никто ещё не умеет. Что-то подобное было тогда. Это было по-своему удивительно и интересно.

С другой стороны, я со многими общаюсь из тех, кто был тогда крещён, – кто остался в церкви? Порыв был, движение было, а потом многие, к сожалению, обратно ушли в мир.

Конечно, это был всплеск, как волна – она поднялась, а потом опустилась и растеклась. Этот подъём продолжался, может быть, с 1988-го до 1995 года... Но всё равно, я скажу Вам, в те годы произошло много ценного. Я вспоминаю тех новых священников – они росли как грибы. Ты просто не успеваешь – люди приходили со всех сторон. До этого на приходе были

в прямом смысле слова только бабушки, редко дедушки и ещё отдельные блуждающие кометы – из интеллигенции, из хиппи, откуда угодно, бродячие, не вписавшиеся в систему. Удивительные люди, многие из них стали замечательнейшими священниками, но их было очень мало. В какой-то наш Енисейск приезжали из Одессы, из Твери (тогда ещё Калинина), отовсюду. А с 1988-го просто валом повалили, во-первых, мужчины, во-вторых, средний молодой возраст, интеллигенция, вообще народ, с которым, если честно, у нас даже и навыка не было работать. Это были не бабушки. После этого уже такого больше не было.

Сейчас очень много планов мероприятий, а такой волны-то нет. И я бы не сказал, что та волна просто в никуда ушла. Да, конечно, тогда было массовое крещение – миллионы людей окрестили, которые о Христе не слышали и Бога не знали. К этому можно как угодно относиться. Однако была волна возрождения. Я помню те же Рождественские чтения начала 1990-х – какие они были интересные, какие люди, какое общение – это какой-то фейерверк был, парад планет! Сейчас не так – всё чётко, понятно, организовано... Другая эпоха. Вот Вы из Преображенского братства – когда Свято-Филаретовский институт появился?

Братство в 1990 году родилось, а институт как раз в 1988 году, летом.

Вот видите. Да, до этого был отец Георгий, и ещё раньше не отец, а просто Георгий, была катехизация, некое движение с начала 1970-х, если не ошибаюсь. Но волна-то пошла тоже в это время, были прорывы и ошибки, но зримо действовал Господь.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Фотографы: Олег Волков, Екатерина Бим
Фотография на с.1 – с сайта Абаканской епархии

Как не идти на компромисс с разрушительным духом эпохи

Мы продолжаем публиковать материалы с вечера памяти архиепископа Михаила (Мудьюгина)

Интервью со священником Константином Морозовым, настоятелем храма Свт. Спиридона Тримифунтского (СПб), клириком храма Св. пророка Илии на Пороховых, к которому был приписан владыка Михаил (Мудьюгин) во время пребывания на покое

Из Вашего слова, из всего сегодняшнего вечера создаётся впечатление, что владыка Михаил умел в каких-то существенных вопросах идти как бы наперекор. В конце 1950-х были те, кто «разрукополагался», а он, наоборот, стал священником и свою причастность к церкви подчеркнул. Как Вы думаете, в чём можно у него учиться этому качеству и в чём ещё оно проявлялось?

Я бы сказал, что в первую очередь он был действительно целостен и честен, и это – основное. Поэтому он делал то, что не перечило его совести, его христианскому ведению. И именно честность, на мой взгляд, определяет его личность. Он не шёл на компромиссы, он был очень некомпромиссный человек.

Некоторые даже говорят, что авторитарный.

Я имею в виду, в отношениях с людьми. Может быть, именно поэтому жизнь у него и складывалась так. Потому что в семинарии он действительно не пошёл на компромисс, и в конце жизни он тоже не стал идти на компромиссы. Это была черта его характера.

Мы-то сейчас считаем, что это отрицательная черта, когда человек не готов идти на компромисс. Но на мой взгляд, иногда это очень существенная черта, ведь в советское время нельзя было идти на эти компромиссы, потому что они внутренне разрушали

бы твою личность. И мне кажется, что владыка это хорошо понимал. Это то, о чём говорил Дмитрий Сергеевич Лихачёв: если ты на Соловках допускал какую-то нечестность, это разрушало тебя внутренне и ты очень быстро сгорал. Мне кажется, что этот разрушительный дух Соловков – это дух советской эпохи, и владыка понимал, что на компромиссы ни со своей совестью, ни с окружающими идти нельзя.

Как же этому научиться и надо ли? Сейчас уже не советское время, может быть, это уже не так актуально?

Знаете, я думаю, что это черта личности каждого. Конечно, нам надо учиться говорить мирно, потому что это очень сложно – сказать какому-то человеку: «Нет, я думаю иначе». Особенно, когда у тебя есть власть. Он мне как-то об этом сказал: «Знаешь, Костенька, как тяжело, когда ты всю жизнь управлял, и вдруг ты эту власть теряешь». Этот момент действительно тяжёлый для человека, который всю жизнь имеет большую служебную власть, и вдруг он этой власти лиша-

ется, но осознать это – ещё тяжелее, гораздо тяжелее. Поэтому мне кажется, владыка в этом велик всегда, потому что он всегда осознавал сущность происходящего. И то, что он до конца жизни не соглашался с тем, чтобы ему помогали, чтобы его водили, когда он был слепой, говорит о том, что он хотел быть независимым до конца своих дней. Это очень ценно.

Какова самая главная его черта, на Ваш взгляд, самое главное, что нужно человеку о нём знать?

Наверное, то, что он послужил церкви и пренебрёг своим замечательным положением в светском обществе. Немногие об этом знают.

Ведь он мог бы быть верующим, так же ходить в храм молиться и в то же время сделать хорошую по советским меркам карьеру вплоть до академика и не иметь вообще никаких проблем с властью предрержащими. Его отношения с Богом могли остаться его «частным делом» и никак не сказываться на работе, как это было у многих.

Архиепископ Михаил с митрополитом Никодимом (Ротовым) и близкими в день своей архиерейской хиротонии 6 ноября 1966 года

Как не идти на компромисс с разрушит

Интервью со священником Димитрием Дашевским, настоятелем Князь-Владимирского храма в посёлке Лисий Нос под Петербургом

Владыка Михаил рукоположился в такое время, когда вообще-то «модно» было «разрукопо-

лагаться». Сегодня, вспоминая, говорили о такой его черте, как умение «идти против волны», делать то, что важно, невзирая на то, что принято. Можете ли Вы сказать, в чём ещё это проявлялось и как этому можно учиться у владыки?

Да, владыка шёл против течения, но знаете, у меня всё-таки было ощущение, что делал он это чаще всего дипломатично. И вообще, из того, что я о нём знаю и что рассказывал мой отец¹, – его решения никогда нельзя было предугадать. Он был настолько нестандартным человеком, что в некоторых случаях люди думали, что он поступит вот так, а он поступал прямо противоположно. И ещё – он был одним из немногих архиереев, способных публично признать свою неправоту, если оказывалось, что собеседник обладает лучшей аргументацией.

Многие о нём говорили, что он действительно князь церкви... да, он, безусловно, не дореволюционный архиерей, но дворянское – да, это в нём было. И самое главное, он был осколком старого Петербурга. Увы, таких людей уже нет. А владыка Михаил – он был плоть от плоти петербуржец.

Вспомнился один эпизод. Лето 1989 года. Владыка гостил у моих родителей в Тихорецке. Его возмутило то, что моя четырёхлетняя племянница тихо вышла после завтрака из-за стола без разрешения взрослых. По понятиям владыки, это было недопустимо. А для нас это было вполне нормальным. Встал, перекрестился и пошёл. Тогда я не понял этого, но запомнил на всю жизнь, и теперь мои дети, прежде чем уйти, спрашивают позволения старших.

Он любил эту культуру и, наверное, как никто иной он бы соответствовал петербургской кафедре. Но никогда, конечно, ему не позволили бы её занять... Он был слишком непредсказуем, и это пугало всех. Смотрите, куда его назначают: сначала на

очень почётное место ректора академии – и тут же его посылают совсем в абсолютнейшую дыру, в Астрахань², а потом в ещё более большую дыру, на север, в Вологду.

Ради назначения на пост ректора, ради того, чтобы быть на этом месте действительно полезным церкви, он принял монашество и архиерейство (по всему можно судить, что само по себе архиерейство его не привлекало, сан священника был для него пределом мечтаний).

По поводу своих размышлений о священстве владыка рассказывал, что пришёл он в Спасо-Преображенский собор к своему духовнику о. Михаилу Гундяеву и говорит: «Я могу представить себя служащим священником – богослужение я знаю и люблю. Я могу себя представить проповедником, потому что лекторство моя привычная работа, но я совершенно не представляю, что буду делать, если окажусь у одра умирающего человека. Смогу ли я найти нужные слова, чтобы утешить его?» Тогда о. Михаил сказал: «Миша, Вы ещё не стали священником, а уже думаете, как будете утешать. После рукоположения Господь даст Вам нужные слова для утешения».

Влияние этого дара впоследствии я ощутил на себе. Владыка рукополагал меня в диаконы в храме Духовной Академии в день своего небесного покровителя. Когда меня повели к Престолу, я так разволновался, что впал в состояние ступора. Ноги не слушались, я как будто одеревенел весь и с трудом опустился на колени. Владыка,

видя моё волнение, наклонился ко мне и сказал два предложения. Я их не забуду никогда. Вдруг слёзы потекли по моим щекам. Мне было так стыдно своей слабости, но владыка взял меня за запястье и крепко сжал. Вскоре я и сам взял себя в руки. Был у владыки и дар слова, и какая-то особая харизма.

Я абсолютно уверен, что по поводу своей будущей епископской хиротонии протоиерей Михаил не питал никаких иллюзий и прекрасно понимал, что ректорство его не будет долгим, но владыка Михаил не думал, что всё закончится так стремительно, и был близок к отчаянию. Но и в глуши, в которую его послали, он старался принести максимальную пользу Церкви. Часто служил, неустанно проповедовал, повышал уровень духовенства.

Проповедник владыка был отменный. Помню, что в том же 1989 году я впервые услышал его проповедь на евангельский отрывок о посещении Пресвятой Девой Марией Елисаветы. Это было великолепно: одна мысль, живо, эмоционально, кратко и на прекрасном русском языке. У меня сложилось впечатление, что владыка присутствовал на этой встрече. Вообще умение владеть живым русским словом отличало владыку от всех известных мне проповедников, да и лекторов. Объясняется это просто: он много читал, в том числе и художественную литературу, и постоянно работал над своим языком. Он мне также говорил, что постоянно читает Священное Писание и пополняет свой запас цитат. В то время ему было уже за семьдесят.

Архиепископ Михаил с астраханским духовенством и мирянами. Рядом с ним (в камилавке) – священник Петр Дашевский

ельным духом эпохи

Меня всегда восхищало в нём то, что он был готов к этой внутренней Голгофе следования за Христом, как и его предшественник по Астраханской кафедре. Возможно, архиепископ Павел (Гольшев)³ прошёл этот путь исповедничества более концентрированно, в более жёсткой форме, но тем не менее и к жизни владыки Михаила подходят евангельские слова – «к своим пришёл и свои его не приняли». Ведь последние его годы прошли практически в нищете и забвении. Однокомнатную квартиру, в которой он жил до своей кончины, оплачивали протестанты. Они же его и приглашали с лекциями в последние годы. Архиепископ у нас оказался никому не нужен. Похоронили его за счёт средств Лавры на Никольском кладбище лишь потому, что наместником был его благодарный ученик.

Интервью с Татьяной Михайловной, дочерью архиепископа Михаила⁴

Каким воспитателем был владыка Михаил?

Он был воспитателем очень своеобразным. Во-первых,

основной смысл своей жизни он хотел передать детям, как свечу, как основу их дальнейшего существования. Он говорил, что не знает, что делать с маленькими детьми: «Вот когда в ребёнке что-то зарождается в плане духовного развития, тогда мне с ним интересно». И он потратил массу времени, надо сказать, на наше воспитание, которое во многом заключалось в беседах. Во-первых, он всё-таки с нами проходил всю священную историю: просто садился, рассказывал, перелистывал, показывал иллюстрации. Он меня как-то довёл до слёз, потому что рассказывал о страданиях Христа с таким потрясающим ощущением, будто это происходит перед нами, и я просто разрыдалась. Мне было около пяти лет. Он сам очень расстроился и потом сказал: «Знаешь, это свято, когда ребёнок плачет о страданиях Христа».

Он уделял в нашем духовном развитии очень большое значение даже всяким мелочам. Я была ребёнком достаточно активным, несколько даже развязным в общении со взрослыми, и, когда мне было лет 9–10, любила за

столом вставить какое-то слово («а я считаю, что это вот так»). В какой-то момент он сидел за столом, и даже, думаю, не смотрел на меня; а я хотела вставить слово в разговор взрослых. У него было старое аристократическое воспитание, и он считал, что дети среди взрослых вообще в лучшем случае помалкивают. И в какой-то момент, вспомнив его слова, я открыла рот и... закрыла. После этого закончился обед, он подходит и мне говорит: «Я тебя поздравляю». (А я уже и забыла про этот момент). «Ты сегодня совершила замечательный поступок, я просто счастлив: ты победила сама себя! Я это видел...» И мне это запомнилось на всю жизнь.

А Вы позже к нему наведывались, может быть, в подростковом возрасте или постарше?

Он присутствовал всё время, во всех решающих моментах нашей жизни. И чем дальше, тем больше мы дружили, тем больше он превращался в близкого человека. Когда мне было 15 лет, он первый привёз труды о. Александра Меня и дал мне: «Ты должна это прочесть». Это меня потрясло; вдруг мир предстал в иной архитектонике, и я превратилась из просто верующей (и, может быть, даже немножко формально) девочки в одного из тех людей, из которых состоит церковь. Я ведь думала, что она состоит только из священников...

О каком самом главном качестве Вашего отца люди обязательно должны знать?

Я считаю, что основной его шаг – это шаг из светской жизни в духовную. Это подвиг, когда человек, отбрасывая какие-то светские материальные блага, решает на такое после очень многих внутренних страданий (потому что он понимал, на что он обрекает семью, что жизнь как-то переменится, и переменится не к лучшему). И действительно, очень много потом изменилось, и он пострадал, но, тем не менее, он на это пошёл.

Вас он учил идти против течения?

Он никогда не шёл против течения чисто внешне. Честно говоря, советскую власть он не любил, но он воспринимал жизнь такую, какая есть. Он говорил, что Церковь – это не пристанище для диссидентов. Церковь – это Церковь, она всех принимает.

Беседовала Анастасия Наконечная

¹ Протоиерей Пётр Дашевский входил в ближний круг архиеп. Михаила (Мудьюгина) в годы его служения в Астрахани. ² В 1966 году по инициативе митрополита Никодима (Ротова) о. Михаил Мудьюгин, с 1964 года преподававший в Ленинградской духовной академии и семинарии, был назначен её ректором (в том же году он был пострижен в монашество и возведён в епископский сан). Он старался обновить и приблизить к жизни систему семинарского и академического образования, повысить общий культурный уровень студентов, знакомить их с художественной литературой. Это показалось властям опасным, и в 1968 году он был переведён в Астрахань.

³ Архиепископ Павел (Гольшев) вырос в эмиграции, окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт со степенью кандидата богословия, был настоятелем некоторых парижских храмов, духовником организации «Православное дело». В период службы в городе Тулоне часто посещал размещавшийся здесь лагерь военнопленных, где очень много было пленных из России. За активную помощь пленным был арестован и доставлен в Париж, но вскоре освобождён. После Второй мировой войны перешёл под омофор Русской православной церкви, в 1947 году возвратился на родину. Сменил множество мест служения, в частности, с октября 1953 года по ноябрь 1954-го преподавал в Ленинградской духовной семинарии и академии и исполнял обязанности секретаря Учебного комитета Московской Патриархии. После архиерейской хиротонии возглавлял епархии Молотовскую (Пермскую) – 3 года, Астраханскую – 3,5 года, Новосибирскую – 8 лет, Вологодскую – 8 месяцев. Перевод из епархий в епархию осуществлялся чаще всего по требованию недовольных его активной деятельностью органов КГБ. В 1965 году подписал составленное архиепископом Ермогеном (Голубевым) обращение к патриарху Алексию I с просьбой отменить навязанные советской властью решения Архиерейского собора 1961 года, ущемляющие права духовенства; в 1971 году во время работы предсоборной комиссии обратился к председателю комиссии митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену с «Предложением», в котором высказал пожелание пересмотреть на предстоящем Поместном соборе решения Архиерейского собора 1961 года, в частности, раздел «О приходах», внося в него изменения, расширяющие права духовенства в приходских делах. Архиепископ Павел не был допущен на Собор, а его предложения на нём не обсуждались.

В результате давления со стороны властей 11 октября 1972 года был заочно осуждён Священным синодом с формулировкой «за нарушение канонических норм, недостойное поведение и неспособность управлять церковной жизнью», освобождён от управления Вологодской епархией и уволен на покой. Проживал в городе Кисловодске. Неоднократно устно и письменно обращался к патриарху Пимену с просьбой назначить его вновь на кафедру, но его прошения остались без ответа. Просил о выезде за границу, причём его просьба была поддержана президентом Франции Жоржем Помпиду. В октябре 1975 года выехал во Францию к своему брату, затем переехал в Бельгию. Управлял русскими приходами в Нидерландах, Бельгии и Германии, находившимися под омофором Константинопольского Патриархата, читал лекции в ряде университетов. Скончался от лейкемии, похоронен на военном кладбище под Парижем. Поскольку за содержание могилы никто не платит, захоронение будет уничтожено. Синодальное осуждение 1972 года так и не было отменено.

⁴ Владыка принял монашество через год после кончины жены.

Так получилось, что на страницах нашего приложения встретились вместе те люди, которые хранили верность Церкви в глухие годы. Да, чаще всего это уже не значило физической гибели, как во все предвоенные десятилетия советской власти, но было связано с насмешками, преследованиями, житейским неблагополучием. Немало было в то время людей, которые уходили из церкви или в лучшем случае оставались с «верой в душе», с верой, которая никак не проявляла себя. Но

благодаря тем, кто продолжал верно служить Богу и Церкви, будь то архиерей или мирянка, ниточка живого предания протянулась и до наших дней.

О владыке Михаиле, которого близко и лично знали члены нашего братства, мы не раз рассказывали на страницах «Кифы». За материал же про регента Лидию Маляр мы сердечно благодарим информационную службу прихода храма Святого Архангела Михаила города Новополюцка (Беларусь).

Жизнь с Богом

Есть среди нас люди, которые могут сказать, что в храме пребывают с детства. Сегодня это в порядке вещей. Но когда человеку 80 лет, такая фраза вызывает уважение. Лидия Фёдоровна Маляр родилась 21 сентября 1936 года в городе Миргороде Харьковской области. Семья её родителей – Фёдора Ивановича и Марии Михайловны – не была зажиточной, но в 30-х годах XX века, в период коллективизации, подверглась репрессиям. Хозяйство и земля были отображены. В период бедствий (1932–1933 гг.) от голода умер годовалый брат Иван. Родители были верующие. Своих детей – Василия, Нину и Лидию – воспитывали в вере в Бога, молитве, учили соблюдению церковных праздников и постов, посещению храма. Дед был священником. Мать, Мария Михайловна, имела хороший голос и пела в церковном хоре.

Детство Лидии прошло в годы войны на оккупированной немцами территории. Страшное время испытаний навсегда осталось в её памяти. В сентябре 1941 года, после проведения эвакуации промышленности в тыл, отца призвали в действующую армию. Несколько раз жизнь семьи находилась на волоске от смерти, пришлось рано испытать голод и холод. Дети с матерью жили в землянке, а в их доме немецкая администрация определила на постой своих солдат. В оккупации Лидия перенесла инфекционное заболевание. Начальник полиции Зябленко хотел расстрелять её, но доктор Ларененко сумел вылечить от болезни. Её отвезли в бывшую курортную поликлинику, ставшую инфекционной больницей, положили в холодную одиночную палату с разбитыми окнами, которые были завешаны разным тряпьем и заложены какими-то мешками. В больнице не кормили, она ела только то, что приносила мать. В таких условиях доктор поставил её на ноги. Несколько раз полиция грозила расстрелом семье, так как отец воевал в Красной армии. Перед отступлением из города немцы обнаружили прятавшихся от обстрела жителей улицы, среди которых была и семья Маляр. Их заподозрили в партизанских действиях, хотели расстрелять, но ночная атака советских войск вынудила немцев поспешно бежать. В Сочельник Рождества 1944 года от голода и

болезни умер старший брат Василий. 1946–1947 годы на Украине были неурожайными, свирепствовал голод, но от смерти Лидию спас сосед, Василий Максимович Скороход: он взял её к себе помощником в магазин разгружать товары, что позволило покупать хлеб. Каждую ночь она вместе с мальчиком Ваней, учившимся с ней в одной школе, помогала грузчику, а днём шла

Лидия Маляр

в школу. Храм Всех святых находился на кладбище напротив школы и недалеко от дома. Она часто в него ходила, идя домой из школы. Службы в храме были торжественные, с хорошим хоровым пением. Служивший в храме священник протоиерей Всеволод Навроцкий благословил Лидию нести послушание певчей. Регент хора Акулина Кондратьевна Бакало учила её нотной грамоте и пению. Мария Пименовна Коваленко и дочь настоятеля церкви Любовь Навроцкая учили славянскому языку и церковному чтению. Обнаружив хорошие певческие данные, регент хора посоветовал обратиться к настоятелю Успенского собора – отцу Николаю Янковскому, чтобы он разрешил петь в хоре собора под руководством регента хора Натальи Степановны Козленко. В связи с болезнью матери в 15 лет Лидии пришлось оставить учёбу в школе и пойти работать в Промышленную артель, совмещая работу с учёбой в школе рабочей молодёжи. Вскоре Успенский Собор и Всесвятский храм советская власть закрыла. Храм Всех святых и дом священника разрушили. В Успенском соборе снесли купола и колокольню – организовали курортный бювет.

Певчие закрытых церквей влиялись в хор церкви Иоанна Богослова,

которым руководила Наталья Степановна Козленко, а после её смерти – регент Николай Алексеевич Ефимович (будущий тесть Лидии Фёдоровны). Во время учёбы в Полтаве она входила в состав архиерейского хора Полтавской епархии, которым руководил протоиерей Михаил Скрипник. После закрытия и разрушения Кресто-Воздвиженского собора пела в хоре Свято-Макарьевской церкви, ставшей кафедральной.

В 1957 году Лидию Фёдоровну отправили на стройку промышленного узла, шахт и города Шахты в Донецкой области. Затем направили на работу в Грузию, в город Очамчыры. В 1960-х годах она вернулась домой в Миргород, стала работать в районном узле связи. За трудовые достижения была награждена орденом Трудовой Славы третьей степени. Парткому районного узла связи стало известно, что она поёт в церковном хоре. На собрании всех работников предприятия ей предложили отречься от веры в Бога и всенародно признать, что Бога нет, осудить церковь и верующих. Лидия отказалась это сделать и сказала, что Бог есть, и она в него верит. Руководство и партком приняли решение ходатайствовать о лишении её государственной награды, что и было сделано. Награды лишили. Только в конце восьмидесятых за долголетний добросовестный труд вручили медаль «Ветеран труда». Несмотря ни на что, Лидия Фёдоровна постоянно ходила в храм, пела в хорах храмов Миргорода, Полтавы, в архиерейском хоре Владимирского кафедрального собора Киева у регента Михаила Семёновича Литвиненко.

В 1989 году Лидия Фёдоровна переехала в Полоцк. Вместе с регентом Татьяной Львовной Башко организовывала архиерейский хор кафедрального Богоявленского собора Полоцкой епархии и работала в этом храме уставщиком. С 1994 года и поныне трудится псаломщиком и уставщиком в храме Рождества святого Иоанна Предтечи прихода храма Святого Архангела Михаила в Новополюцке, а также несёт послушание в храме Рождества Пресвятой Богородицы деревни Богатырская Полоцкого района. Сын Лидии Фёдоровны – диакон Владислав Маляр – служит в кафедральном Богоявленском соборе Полоцка.